

**МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ**

СХХХ Международная научная конференция

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КАЗАНЬ

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43
И88

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия:

Э.А. Бердиев, Ю.В. Иванова, А.В. Каленский, В.А. Куташов, К.С. Лактионов, Н.М. Сараева, Т.К. Абдралилов, О.А. Авдеюк, О.Т. Айдаров, Т.И. Алиева, В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А.В. Дёмин, К.В. Дядюн, К.В. Желнова, Т.П. Жуикова, Х.О. Жураев, М.А. Игнатова, Р.М. Исаков, К.К. Калдыбай, А.А. Кенесов, В.В. Коварда, М.Г. Кологоровцев, А.В. Котляров, А.Н. Кошербаева, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди, С.А. Кучерявенко, Е.В. Лескова, И.А. Макеева, Е.В. Матвиенко, Т.В. Матроскина, М.С. Матусевич, У.А. Мусаева, М.О. Насимов, Б.Ж. Паридинова, Г.Б. Прончев, А.М. Семахин, А.Э. Сенцов, Н.С. Сенюшкин, Д.Н. Султанова, Е.И. Титова, И.Г. Ткаченко, М.С. Федорова, С.Ф. Фозилов, А.С. Яхина, С.Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З.Г. Айрян (Армения), П.Л. Арошидзе (Грузия), З.В. Атаев (Россия), К.М. Ахмеденов (Казахстан), Б.Б. Бидова (Россия), В.В. Борисов (Украина), Г.Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А.М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З.Р. Досманбетова (Казахстан), А.М. Ешиев (Кыргызстан), С.П. Жолдошев (Кыргызстан), Н.С. Игисинов (Казахстан), Р.М. Исаков (Казахстан), К.Б. Кадыров (Узбекистан), А.В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е.П. Колтак (Россия), А.Н. Кошербаева (Казахстан), К.И. Курпаяниди (Узбекистан), В.А. Куташов (Россия), Э.Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л.В. Малес (Украина), М.А. Нагвердадзе (Грузия), Ф.А. Нурмамедли (Азербайджан), Н.Я. Прокопьев (Россия), М.А. Прокофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М.Б. Ребезов (Россия), Ю.Г. Сорока (Украина), Д.Н. Султанова (Узбекистан), Г.Н. Узаков (Узбекистан), М.С. Федорова, Н.Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А.К. Шарипов (Казахстан), З.Н. Шуклина (Россия)

Исследования молодых ученых : материалы СXXX Междунар. науч. конф.
И88 (г. Казань, октябрь 2026 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой
ученый, 2026. — iv, 64 с.

ISBN 978-5-6055990-5-0

В сборнике представлены материалы СXXX Международной научной конференции
«Исследования молодых ученых».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов,
а также для широкого круга читателей.

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

ISBN 978-5-6055990-5-0

© Оформление.

ООО «Издательство Молодой ученый», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОГРАФИЯ

Кононенко Д.А.

Возрастная структура миграционного прироста как индикатор социально-экономической привлекательности Краснодарского края по данным за 2023 год. 1

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Жанкетай И.А., Кобабаева А.А., Кожобекова А.Ж.

Пространственно-временная оценка зеленого покрова Медеуского района города Алматы (Казахстан) по данным индекса NDVI. 6

Сулетаев С.А., Аукажиева Ж.М.

Разработка системы индикаторов устойчивого использования земель Алматинской области Казахстана с применением ГИС-технологий. 12

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Дацук Е.С.

Гражданско-правовая ответственность: современные подходы правопонимания и правоприменения. 18

Евстюнин Ф.Н.

Суд присяжных в Российской империи в период судебной реформы 1864 года. 22

Магсумова К.А.

Гражданско-правовая защита субъективных прав как элемент механизма правового регулирования. 27

ПСИХОЛОГИЯ

Громова Е.А.

Стиль педагогического общения и его влияние на учебную мотивацию обучающихся. 30

Ким Ю.А.

Методологические подходы к диагностике корпоративной культуры
и психологического благополучия сотрудников образовательных
организаций 36

Подпряткова А.С.

От «не за что» к «пожалуйста»: о ценности собственного времени
и усилий. 42

ПЕДАГОГИКА**Годунова М.В., Москалев Я.А., Зарубин А.А.**

Профилактический потенциал использования лабораторного
практикума по биологии в снижении психологической руминации
у студентов-медиков на производственной практике. 51

Макарова С.В., Финогина О.В.

Знакомство дошкольников с миром профессий как средство
социально-трудового развития 55

Петрова И.Ф., Ильина М.М.

Использование игровых модулей для развития мелкой моторики рук
в работе с детьми 2–3 лет. 60

ГЕОГРАФИЯ

Возрастная структура миграционного прироста как индикатор социально-экономической привлекательности Краснодарского края по данным за 2023 год

Кононенко Данила Александрович, студент

Научный руководитель: Мамонова Анна Владимировна, старший преподаватель

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье на основе данных Краснодарстата за 2023 г. анализируется возрастная и половая структура миграционного прироста Краснодарского края. Показано, что регион привлекает все возрастные группы, однако ключевая особенность миграционного потока — доминирование женщин не только в старших возрастах, но и в трудоспособном возрасте. Это отличает Краснодарский край от классических «трудовых» миграционных магнитов и свидетельствует о том, что миграционная привлекательность региона определяется не столько экономическими, сколько социальными факторами: климатом, качеством жизни, семейными стратегиями и развитой социальной инфраструктурой. Возрастная и половая структура миграционного прироста рассматривается как индикатор социально-экономической привлекательности территории.

Ключевые слова: миграция, возрастная структура, половая структура, миграционный прирост, Краснодарский край, социальные факторы миграции.

Введение

Возрастная и половая структура миграционных потоков традиционно рассматривается как производная от экономических мотивов. В классических моделях миграции преобладают мужчины трудоспособного возраста, тогда как женщины, дети и пожилые выступают сопутствующими категориями. Однако в регионах с высокой социальной привлекательностью эта модель может нарушаться.

Подобная ситуация происходит в Краснодарском крае. Регион устойчиво входит в число лидеров России по миграционному приросту, при этом сочетает функции аграрного, промышленного, транспортного и курортно-рекреационного центра.

Цель работы. Проанализировать возрастную и половую структуру миграционного прироста Краснодарского края в 2023 г. и показать, что доминирование женщин в трудоспособном возрасте свидетельствует о преобладании социальных, а не экономических факторов миграционной привлекательности региона.

Материалы и методы исследования. Информационной базой послужил статистический бюллетень «Численность и миграция населения Краснодарского края в 2023 году» (Краснодарстат, 2024). В работе применены статистический, сравнительно-географический методы.

Половозрастная характеристика механических движений. Общая возрастная структура миграционного прироста. В 2023 г. миграционный прирост Краснодарского края составил 32 496 человек. Распределение по укрупнённым возрастным группам представлено в таблице 1.

Таблица 1. Миграционный прирост по возрастным группам, 2023 г.
(составлена автором по источнику [1])

Возрастная группа	Прибывшие, чел.	Выбывшие, чел.	Миграционный прирост, чел.	Доля в приросте, %
Моложе трудоспособного	31 643	25 975	+5 668	17,4
Трудоспособный возраст	108 466	89 168	+19 298	59,4
Старше трудоспособного	25 885	18 355	+7 530	23,2
Всего	165 994	133 498	32 496	100

Основной вклад в миграционный прирост вносят лица трудоспособного возраста (59,4%). Однако обращает на себя внимание высокая доля лиц старше трудоспособного возраста — 23,2%, Это отличает Краснодарский край от трудовых миграционных центров, таких как нефтегазовые регионы Севера.

Ключевая особенность — женщины преобладают во всех возрастах, включая трудоспособный. Среди прибывших в возрасте 14 лет и старше женщины составляют 56,3%, мужчины — 43,7%. Однако принципиально важно, что доминирование женщин наблюдается не только в старших возрастных груп-

пах, но и в трудоспособном возрасте. Это противоречит классической модели трудовой миграции, в которой на дальних расстояниях преобладают мужчины.

Таблица 2. **Распределение мигрантов трудоспособного возраста по полу, 2023 г.**
(составлена автором по источнику [1])

Показатель	Мужчины	Женщины
Прибывшие, чел.	50 177	58 289
Выбывшие, чел.	41 375	47 793
Миграционный прирост, чел.	+8 802	+10 496
Доля в приросте, %	45,6	54,4

Как видно в таблице 2, в трудоспособном возрасте миграционный прирост женщин (+10 496 чел.) превышает прирост мужчин (+8 802 чел.) на 1 694 чел. Женщины составляют 54,4% прироста в этой возрастной группе. Это означает, что женщины переезжают в Краснодарский край не только как члены семьи, но и как самостоятельные субъекты миграции.

В старших возрастных группах дисбаланс усиливается: в группе 60–64 года женщин в 1,8 раза больше, чем мужчин. Это объясняется как демографическими причинами (более высокая продолжительность жизни женщин), так и социальными (женщины чаще переезжают к детям и внукам, чаще становятся инициаторами переезда ради климата и здоровья).

Территориальная дифференциация возрастного и полового профиля миграции. Анализ статистического бюллетеня позволяет выделить несколько типов муниципальных образований.

Первый тип — *семейный*, с высоким приростом всех возрастных групп и преобладанием женщин. Он характерен для Краснодара, Анапы, Горячего Ключа, Темрюкского и Северского районов. В Анапе прирост детей составил +1 043 чел., трудоспособных +2 634 чел., старше трудоспособного +1 476 чел.

Второй тип — *трудовой*, с приростом преимущественно за счёт трудоспособного возраста. Наблюдается в отдельных промышленных и аграрных районах, например, в Каневском, где прирост трудоспособных составил +156 чел. Однако и здесь женская составляющая значительная.

Третий тип — *пенсионный*, с повышенной долей старших возрастов. Наиболее выражен в Ейском районе: прирост старше трудоспособного возраста +178 чел. при приросте трудоспособных +318 чел.

Четвёртый тип — *депрессивный*, с убылью по всем возрастным группам. Характерен для Абинского, Белореченского, Лабинского, Новокубанского, Отраденского районов.

Полученные результаты позволяют сформулировать несколько выводов о социально-экономической привлекательности Краснодарского края.

Доминирование женщин в трудоспособном возрасте указывает на преобладание социальных факторов миграции. Если бы Краснодарский край привлекал мигрантов исключительно экономическими возможностями (высокие зарплаты, рабочие места в промышленности), в трудоспособном возрасте преобладали бы мужчины — как это происходит в нефтегазовых регионах Севера или в Московской агломерации. Преобладание женщин в трудоспособном возрасте говорит о том, что мигранты выбирают регион по *неэкономическим* причинам: благоприятный климат, экология, безопасность, качество жизни, развитая социальная инфраструктура, близость к морю. [3]

Выводы

Во-первых, возрастная структура миграционного прироста отражает многофункциональность региональной экономики. Высокий прирост трудоспособных объясняется наличием рабочих мест в строительстве, сельском хозяйстве, туризме, транспорте. Значительный прирост пожилых — следствием благоприятного климата, экологии и развитой социальной инфраструктуры.

Во-вторых, высокий прирост детей свидетельствует о том, что Краснодарский край привлекает семьи с детьми, а не только индивидуальных мигрантов. Это предъявляет повышенные требования к социальной инфраструктуре — школам, детским садам, поликлиникам.

В-третьих, возрастная и половая структура миграции выступает индикатором качества жизни. Если бы регион привлекал только трудовых мигрантов, прирост пожилых и женщин в трудоспособном возрасте был бы минимальным. Наблюдаемая картина говорит о том, что край воспринимается как территория комфортного проживания, а не только как «место работы». [2]

В-четвёртых, выявленная территориальная дифференциация возрастного профиля миграции — от «семейных» типов на побережье до «депрессивных» на востоке — согласуется с выводами о пространственной поляризации миграционного пространства Краснодарского края, где агломерационный эффект и приморское положение формируют устойчивые зоны притяжения, а периферийные территории теряют население во всех возрастных группах. [4]

Заключение

Анализ половозрастной структуры миграционного прироста Краснодарского края в 2023 г. показал, что она является чувствительным индикатором социально-экономической привлекательности региона. Наряду с ожидаемым доминированием трудоспособных возрастов (59,4% прироста), регион демонстрирует значительный прирост лиц старше трудоспособного возраста (23,2%) и детей (17,4%). Принципиально важно, что женщины преобладают не только в старших возрастах, но и в трудоспособном возрасте (54,4% прироста), что свидетельствует о преобладании социальных, а не экономических факторов миграционной привлекательности. Возрастной и половой профиль миграции отражает не только состояние рынка труда, но и качество жизни, климатические условия, доступность социальной инфраструктуры. Выявленная территориальная дифференциация подтверждает и углубляет представления о пространственной поляризации Краснодарского края.

Литература:

1. Краснодарстат. Численность и миграция населения Краснодарского края в 2023 году: статистический бюллетень / Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. — Краснодар, 2024.
2. Мкртчян Н. В. Пространственная картина центрo-периферийных миграционных взаимодействий в России // Региональные исследования. 2024. № 1 (83). С. 19–33.
3. Мкртчян Н. В., Гильманов Р. И. Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68, № 1. С. 44–63.
4. Кононенко, Д. А. Пространственная поляризация миграционных процессов в Краснодарском крае в 2023 году / Д. А. Кононенко, Ю. С. Бурова, М. П. Нодия. — Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы СХХVII Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2026 г.). — Казань: Молодой ученый, 2026. — С. 57–62. — URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/561/19540>.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Пространственно-временная оценка зеленого покрова Медеуского района города Алматы (Казахстан) по данным индекса NDVI

Жанкетай Инкар Алимкызы, студент магистратуры;

Копабаета Арайлым Айтбаевна, доктор PhD;

Кожабекова Ардак Жанкетаетевна, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

Казахский национальный аграрный исследовательский университет (г. Алматы)

В статье представлен подход к сопоставительной оценке пространственного распределения зеленого покрова Медеуского района города Алматы по картографическим материалам нормализованного разностного вегетационного индекса NDVI за 2015, 2020 и 2025 годы. Для предварительного выделения участков с выраженным растительным откликом принят единый условный порог $NDVI \geq 0,4$. Описаны последовательность тематической обработки растров в геоинформационной среде и принципы их картографического сопоставления. Подчеркнуто, что пороговая классификация является математической интерпретацией спектральных значений. Учитываются потенциальные ошибки спутниковых наблюдений, сезонность, облачность, рельеф и различия исходных данных.

Ключевые слова: Медеуский район, Алматы, зеленый покров, NDVI, дистанционное зондирование Земли, ArcGIS, растительность, пространственно-временной анализ.

1. Введение

Зеленый покров представляет собой существенную часть природно-экологического каркаса современного города. Древесная, кустарниковая и травянистая растительность участвует в формировании микроклимата, удержании пыли, регулировании поверхностного стока и поддержании рекреационной привлекательности территорий. Для города Алматы, расположенного в усло-

виях сочетания плотной городской застройки и предгорных ландшафтов, пространственный мониторинг растительности имеет особое значение.

Медеуский район отличается неоднородностью условий землепользования, высот и характера растительного покрова. Поэтому для общей оценки изменений целесообразно использовать геоинформационные методы, обеспечивающие сопоставление территории по единым пространственным критериям. Одним из доступных инструментов является нормализованный разностный вегетационный индекс NDVI, отражающий соотношение спектрального отклика поверхности в красном и ближнем инфракрасном диапазонах [1].

В отличие от полевой инвентаризации деревьев, расчет NDVI не определяет видовой состав насаждений и не подтверждает их санитарную категорию. Он характеризует совокупный спектральный сигнал поверхности, в который могут входить древесные кроны, кустарники, травы и иные элементы растительности. Это особенно важно при оценке городской территории, где в пределах одного спутникового пикселя нередко сочетаются разные типы покрытий.

Цель исследования — представить воспроизводимую основу сравнительной картографической оценки зеленого покрова Медеуского района города Алматы за 2015, 2020 и 2025 годы с использованием растров NDVI и единого условного порога выделения растительности. Основное внимание уделено пространственной структуре расчетного класса $NDVI \geq 0,4$ и сопоставлению трех временных срезов.

2. Материалы и методы исследования

В качестве исходных материалов использованы подготовленные тематические растровые слои NDVI, относящиеся к 2015, 2020 и 2025 годам, и картографическая основа территории Медеуского района города Алматы. Обработка и оформление карт выполняются в геоинформационной среде ArcGIS. Исходные сцены и их метаданные (точные даты съемки, разрешение, облачность, параметры коррекции) в составе представленных растров не документированы. Поэтому условия съемки и обработки не считаются подтвержденными, а сопоставление карт носит предварительный характер.

NDVI относится к распространенным спектральным индикаторам состояния зеленой растительности и вычисляется по формуле [2]:

$$NDVI = (NIR - RED) / (NIR + RED) \quad (1)$$

где NIR — отражательная способность поверхности в ближнем инфракрасном диапазоне; RED — отражательная способность в красном диапазоне. Для снимков Landsat 8–9 этим диапазонам соответствуют каналы B5 и B4; при исполь-

зовании продуктов поверхностного отражения должны учитываться правила масштабирования производителя [3].

В настоящей работе для условного выделения территорий с выраженным спектральным откликом растительности используется единый критерий $NDVI \geq 0,4$. Он применяется к каждому из трех временных срезов. Пиксели, удовлетворяющие этому условию, относятся к расчетной маске предполагаемого растительного покрова; остальные пиксели не входят в выделенный класс.

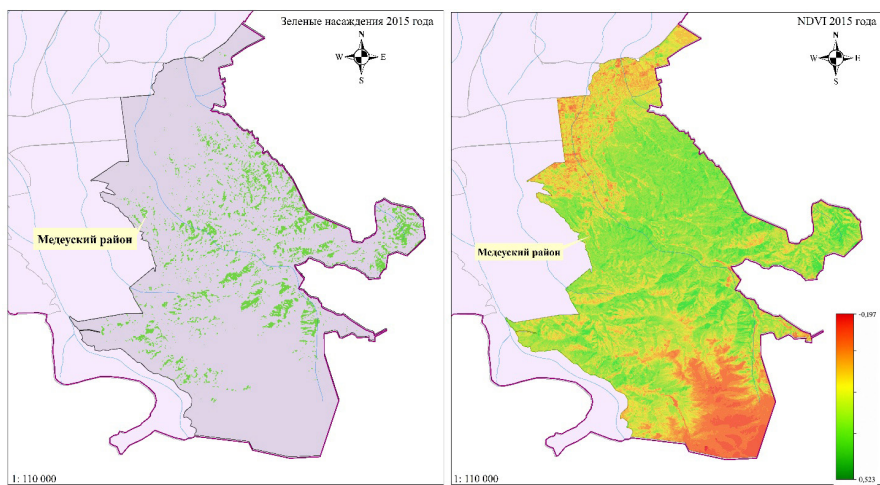
Принципиально важно, что значение 0,4 не является нормативной границей зеленых насаждений и не гарантирует присутствие деревьев [4]. Порог принят как рабочий классификационный параметр, удобный для сопоставления карт. Его обоснованность зависит от сезона, спектральных свойств сцены и локальных условий, поэтому интерпретацию следует считать предварительной [5]. В расчетный класс могут попасть луга, газоны, сельскохозяйственные культуры и кустарники; часть разреженных древесных насаждений может, напротив, иметь более низкие значения $NDVI$.

Поскольку рассматриваются три отдельных года, получаемые изображения характеризуют различия между выбранными временными срезами, а не непрерывную траекторию сезонной или многолетней динамики. Без контрольных наблюдений и проверки сопоставимости исходных снимков отдельные изменения нельзя однозначно интерпретировать как озеленение, вырубку либо деградацию зеленых насаждений.

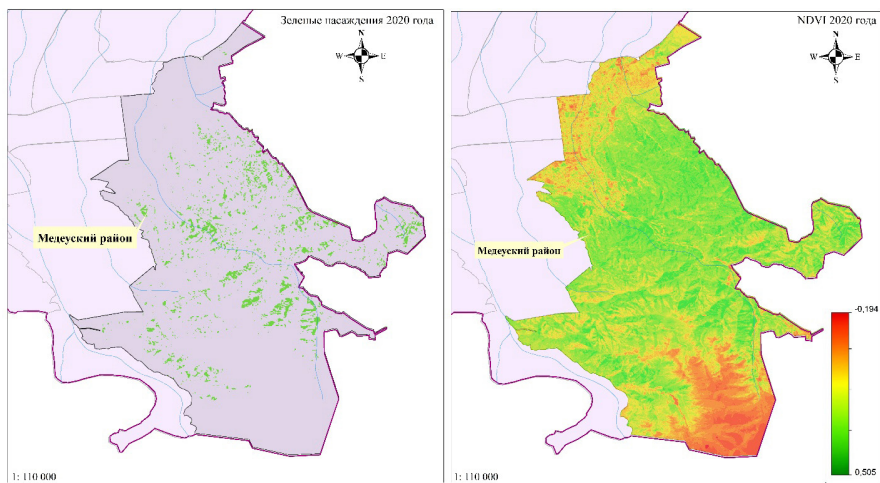
3. Результаты и обсуждение

Для Медеуского района сформирован набор из трех тематических слоев $NDVI$: за 2015, 2020 и 2025 годы. Их использование позволяет организовать единое пространственное представление растительного покрова и сопоставить размещение пикселей с $NDVI \geq 0,4$ в разные периоды. Результаты рассматриваются на уровне картографически наблюдаемых особенностей распределения индекса и расчетной маски растительности.

На рисунке 1 для каждого года представлены карта $NDVI$ и соответствующая маска участков с $NDVI \geq 0,4$.

А

Б

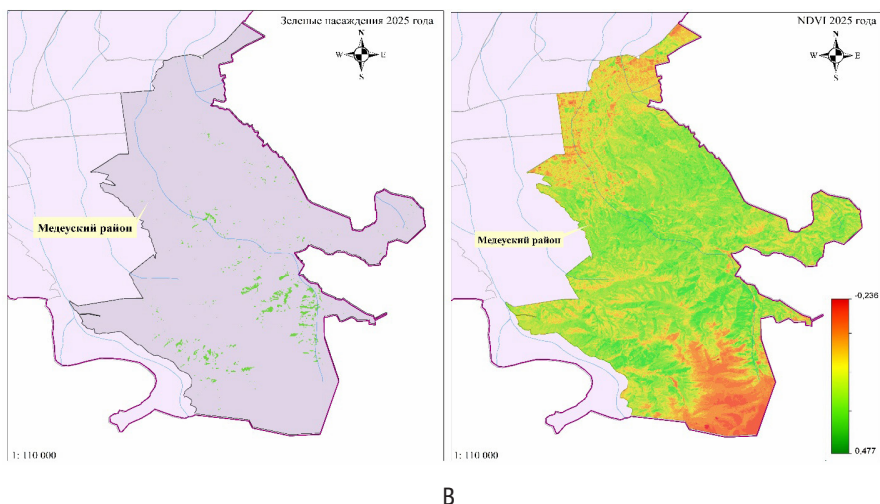

Рис. 1. Пространственное распределение NDVI в Медеевском районе города Алматы: а — 2015 г.; б — 2020 г.; в — 2025 г.

Визуальное сопоставление трех временных срезов показывает неравномерное, мозаичное распределение пикселей с $NDVI \geq 0,4$. На картах 2015 и 2020 годов такие участки образуют группы небольших фрагментов преимущественно в центральной и восточной частях исследуемой территории; на карте 2025 года они представлены более разрозненно. При этом карты отражают различия в расчетных масках, а не подтвержденную динамику площади насаждений: для такого вывода необходима проверка сопоставимости дат съемки, исходных растров и процедур их обработки.

Таким образом, полученные карты рассматриваются как предварительный результат математико-картографической обработки дистанционных данных. Они подходят для иллюстрации характера распределения индексных значений и выбора участков для дальнейшего анализа, но не заменяют официальную инвентаризацию озелененных территорий.

Сопоставление изображений NDVI широко применяется в исследованиях земного покрова благодаря единой физической основе индекса и доступности многолетних спутниковых архивов. Вместе с тем точность результатов зависит от качества исходных изображений и соблюдения одинаковых правил обработки. Снимки, полученные в разные сезоны, могут демонстрировать различия, обусловленные естественными фенологическими фазами, осадками и температурой, даже при отсутствии фактического изменения землепользования.

Для Медеуского района дополнительную неопределенность создают сложный рельеф, экспозиция склонов и различная освещенность поверхности. Затененные склоны, облака, снежные остатки и атмосферные эффекты могут влиять на спектральные показатели. При наличии исходных спутниковых сцен желательно проверять соответствующие маски качества и применять методы исключения облачности и теней.

Другим источником неопределенности является пространственное разрешение спутниковой съемки. Смешанные пиксели, в которых представлены деревья, почва, дороги, газоны и застройка, затрудняют точное разграничение элементов городского озеленения. Результат пороговой классификации зависит не только от самого порога $NDVI \geq 0,4$, но и от размера пикселя, алгоритма ре-сэмплинга, границы обрезки растра и способа исключения фоновых значений.

Следовательно, выделенные по указанному критерию пиксели корректнее обозначать как расчетные участки с выраженным растительным откликом, а не как документально подтвержденные зеленые насаждения. Интерпретация результатов как фактического сокращения или увеличения древесных насаждений, равно как и как доказательства изменения их санитарного состояния, без независимых данных была бы методически необоснованной.

Достоверность выводов может быть повышена путем проверки дат спутниковой съемки, исходных метаданных, единства территории анализа и выборочного сопоставления с изображениями высокого пространственного разрешения либо натурными наблюдениями. Поэтому картографическое сопоставление не используется для оценки площади или темпов изменения древесных насаждений без дополнительной проверки исходных данных.

4. Заключение

Рассмотрен подход к пространственно-временному сопоставлению зеленого покрова Медеуского района города Алматы по трем картографическим срезам NDVI за 2015, 2020 и 2025 годы. Единый критерий $NDVI \geq 0,4$ принят в качестве условного математического признака выраженного спектрального отклика растительности, а не нормативного определения площади зеленых насаждений.

Подготовленные тематические слои могут служить основой для сравнительной картографической визуализации и последующего отбора территорий, представляющих интерес для экологического мониторинга. При этом расхождения между картами могут возникать из-за сезонности, особенностей съемки, рельефа и процедур растровой обработки. По этой причине результаты следует рассматривать как предварительную расчетную оценку, не заменяющую данные полевых обследований и официального учета зеленых насаждений.

Дальнейшая работа должна включать проверку сопоставимости спутниковых данных за исследуемые годы и независимую валидацию выделенных классов. Это создаст предпосылки для более надежной оценки пространственных изменений растительности и уточнения факторов выявленных различий.

Литература:

1. Tucker C.J. Red and photographic infrared linear combinations for monitoring vegetation. *Remote Sensing of Environment*. 1979. Vol. 8 (2). P. 127–150. DOI: 10.1016/0034-4257(79)90013-0.
2. Wulder M.A., Loveland T.R., Roy D.P. et al. Current status of Landsat program, science, and applications. *Remote Sensing of Environment*. 2019. Vol. 225. P. 127–147. DOI: 10.1016/j.rse.2019.02.015.
3. U.S. Geological Survey. Landsat Normalized Difference Vegetation Index (NDVI). URL: <https://www.usgs.gov/landsat-missions/landsat-normalized-difference-vegetation-index> (дата обращения: 14.10.2026).
4. U.S. Geological Survey. How do I use a scale factor with Landsat Level-2 science products? URL: <https://www.usgs.gov/faqs/how-do-i-use-a-scale-factor-landsat-level-2-science-products> ().
5. Zhu Z., Woodcock C.E. Object-based cloud and cloud shadow detection in Landsat imagery. *Remote Sensing of Environment*. 2012. Vol. 118. P. 83–94. DOI: 10.1016/j.rse.2011.10.028.

Разработка системы индикаторов устойчивого использования земель Алматинской области Казахстана с применением ГИС-технологий

Сулетаев Серик Айдарбекович, докторант

Аукажиева Жанар Муратовна, кандидат технических наук,

и. о. ассоциированного профессора

Казахский национальный аграрный исследовательский университет (г. Алматы)

Предложена методическая система индикаторов для геоинформационной оценки устойчивого использования земель Алматинской области. Определены тематические блоки, способы расчёта и требования к исходным данным.

Система объединяет показатели растительности, почв, изменений земного покрова и организации землепользования. Представлены схемы её структуры и последовательности оценки. Обоснована необходимость сопоставления земель в пределах однородных природных и хозяйственных условий, независимой проверки карт и явного учёта неопределённости.

Ключевые слова: устойчивое землепользование, Алматинская область, ГИС, дистанционное зондирование, индикаторы, деградация земель, мониторинг.

1. Введение

1. Устойчивость землепользования требует совместной оценки сохранения продуктивности, защиты ресурсов и жизнеспособности хозяйственных практик. В международной системе FESLM эти требования рассматриваются через продуктивность, снижение рисков, защиту природных ресурсов, экономическую жизнеспособность и социальную приемлемость [1]. Спутниковые наблюдения раскрывают часть экологических изменений, но сами по себе не характеризуют доходность хозяйств и условия доступа к земле.

Для региональной оценки необходимо различать критерий как требование к устойчивости, индикатор как измеряемую характеристику и порог как обособленную границу интерпретации. Цель статьи — разработать согласованную систему индикаторов и порядок их применения в ГИС для Алматинской области. Предлагаемый результат представляет собой методическую конструкцию, которая в дальнейшем поможет изучить фактическое состояния земель.

2. Материалы и методы исследования

Основу разработки составляют подход FESLM, руководство UNCCD по показателю ЦУР 15.3.1 и требования к оценке точности карт изменений [2, 3]. В качестве перспективных источников предусмотрены спутниковые продукты поверхностного отражения, цифровая модель рельефа, почвенные обследования, земельный кадастр, сведения о поголовье и землепользовании. Перечень описывает необходимые данные; их региональная обработка в настоящей работе не выполнялась.

Территориальный контур следует зафиксировать с учётом изменения границ Алматинской области и установления границ области Жетісу в 2022 году [4]. Более ранние наблюдения обрезаются по одному принятому контуру. Единицей оценки предлагается участок либо однородный контур землепользования; районные показатели получают последующим агрегированием. Орошаемую и богарную пашню, пастбища и естественные территории анализируют отдельно, с учётом рельефа и почв.

Для дистанционного анализа подходят Sentinel-2 Level-2A и Landsat Collection 2 Level-2 [5]. Проводятся маскирование облаков, теней и снега, проверка геопривязки и построение сезонных композитов. Сроки сравнения согласуются по фенологическим фазам. Значения Landsat переводятся в отражательную способность с предусмотренными множителем и смещением до вычисления индексов [6].

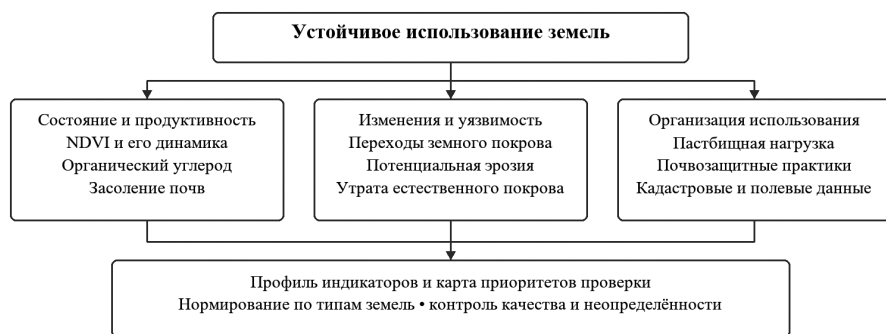

Рис. 1. Структура предлагаемой системы индикаторов

Три блока на рисунке 1 связывают наблюдаемые характеристики с управленческими задачами. Полноценная оценка социальной и экономической устойчивости потребует дополнительных обследований хозяйств; дистанционные показатели их не заменяют.

Таблица 1. Индикаторы и методы расчёта

Индикатор	Расчёт и единица	Данные и интерпретация
Растительный отклик	$NDVI = (NIR - RED) / (NIR + RED)$; безразмерный	Поверхностное отражение. Сезонная медиана; сравнение внутри одного типа земель.
Динамика растительности	$\beta = \text{median} [(V_j - V_i) / (t_j - t_i)]$, $j > i$; год ⁻¹	V — ежегодный сезонный NDVI. Отрицательный тренд — сигнал проверки; учитываются климат и смена культур.
Запас органического углерода	$SOC = C \times \rho \times z \times (1 - f)$; т/га	C — углерод, %; ρ — плотность, г/см ³ ; z — слой, см; f — объёмная доля скелета. Полевые данные.
Засоление	$Ps = 100As/A$; %	As — площадь почв с подтверждённым засолением; A — обследованная площадь. Электропроводность почвенной вытяжки и локальные пороги.

Индикатор	Расчёт и единица	Данные и интерпретация
Неблагоприятные переходы	$P_{lc} = 100 \sum A_{ab} / A$; %	A_{ab} — площади переходов, признанных неблагоприятными в локальной матрице; A — площадь с валидными картами.
Потенциальная водная эрозия	$E = R \times K \times LS \times C_s \times P$; т/(га·год)	Модель RUSLE: осадки, почвы, рельеф, покров и практики. Расчётный риск, а не измеренная потеря почвы.
Пастбищная нагрузка	$L = N_{усл} / A_{дост}$; усл. голов/га	Поголовье в условных единицах и доступная площадь. Сопоставление с локальной кормовой ёмкостью за один период.
Охват защитными практиками	$P_m = 100 A_m / A_{цел}$; %	A_m — площадь подтверждённых мероприятий; $A_{цел}$ — площадь, где они применимы. Реестры и полевая проверка.

Таблица задаёт операциональные определения. Ни один индикатор не имеет универсального порога для всех земель области. Спектральные признаки засоления служат только для выбора точек обследования; увеличение NDVI не тождественно росту урожайности. Запас углерода сравнивают при согласованной глубине и учёте изменения плотности почвы.

3. Результаты и обсуждение

Методическим результатом является система из восьми индикаторов и последовательность оценки (рисунок 2). Она позволяет заранее определить единицы измерения, источники и проверяемые допущения. Для каждой единицы территории сохраняют исходные значения, период наблюдений, долю валидных данных и сведения о точности. Индикаторы, неприменимые к данному виду землепользования, отмечают отдельно от отсутствующих данных.

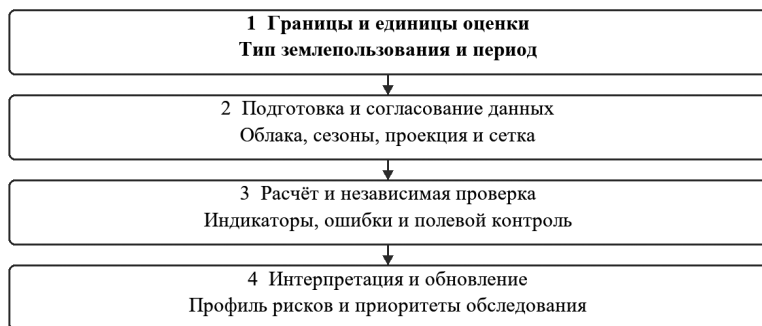

Рис. 2. Этапы предлагаемой геоинформационной оценки

В ГИС требуется единая пространственная основа. Для площадей используют подходящую равновеликую проекцию либо геодезический расчёт. Общую сетку выбирают по масштабу задачи и фактическому разрешению источников: увеличение числа пикселей грубого слоя не повышает его точность. Категориальные данные переносят методом ближайшего соседа, непрерывные — согласованным методом интерполяции; каждый способ фиксируют в метаданных.

Основным выходом предлагается профиль индикаторов. Если необходим сводный индекс, сначала значения переводят на шкалу 0–1 по заранее обоснованным границам a и b : для положительного показателя $s = (x - a) / (b - a)$, для отрицательного $s = (b - x) / (b - a)$. Значения вне диапазона ограничивают 0 и 1; b должно превышать a . Для нагрузки и иных показателей с оптимальным интервалом задают отдельную функцию пригодности.

Условный сводный индекс рассчитывают как $I = \sum w_i s_i$, где $w_i \geq 0$ и $\sum w_i = 1$. Веса и границы нормирования согласуют до анализа и проверяют на чувствительность. Недопустимо заменять отсутствующие наблюдения нулём или сравнивать индексы с разным набором показателей без явного указания этого различия.

Сводное значение не должно скрывать критическое ухудшение отдельного компонента. Поэтому рядом с индексом сохраняют сигналы риска и полный профиль. Предлагаемый индекс не является показателем ЦУР 15.3.1: методика UNCCD отдельно рассматривает земной покров, продуктивность земель и органический углерод почв. При подготовке официальной отчётности необходимо применять соответствующие правила, а не подменять их средневзвешенной региональной оценкой.

Тренд NDVI оценивают по многолетнему ряду ежегодных сопоставимых композитов. Два снимка не позволяют отделить устойчивое изменение от сезонного или погодного эффекта. Для пашни учитывают севооборот и орошение, для пастбищ — сроки выпаса и осадки. Статистическую значимость тренда следует проверять с учётом автокорреляции; даже значимое снижение является основанием для диагностики, а не самостоятельным доказательством деградации.

Классификацию земного покрова проверяют по независимой вероятностной выборке, желательно стратифицированной по классам и переходам. Обучающие участки не используют как единственный контроль. Рекомендуется публиковать матрицу ошибок, пользовательскую и производительскую точность, а также оценки площадей и доверительные интервалы, согласованные с дизайном выборки. Такая проверка предотвращает интерпретацию ошибок карт как реальных изменений. Для почвенных характеристик учитывают давность обследования, глубину отбора и пространственную неоднородность.

Участки с недостаточным покрытием наблюдениями выделяют в самостоятельную категорию неопределённости. Они не должны автоматически получать благоприятную оценку.

4. Заключение

Предложена система из восьми индикаторов, объединённых в три тематических блока, для оценки устойчивого использования земель Алматинской области. Система охватывает состояние и продуктивность земель, изменения земного покрова и организацию землепользования. Её применение предусматривает раздельную оценку типов земель с учётом природных условий и характера хозяйственного использования, согласование пространственных и временных данных, а также независимый контроль качества. Совместное рассмотрение индикаторов позволяет учитывать различные аспекты устойчивости и определять участки, требующие дополнительной проверки. Система предназначена для выбора территорий для полевого обследования, определения приоритетов и планирования дальнейшего мониторинга.

Литература:

1. Smyth A. J., Dumanski J. FESLM: An international framework for evaluating sustainable land management. Rome: FAO, 1993. URL: <https://www.fao.org/4/t1079e/t1079e00.htm>.
2. UNCCD. Good practice guidance. SDG indicator 15.3.1, Proportion of land that is degraded over total land area. Version 2.0. 2021. URL: <https://www.unccd.int/resources/manuals-and-guides/good-practice-guidance-sdg-indicator-1531-proportion-land-degraded>.
3. Olofsson P., Foody G. M., Herold M., Stehman S. V., Woodcock C. E., Wulder M. A. Good practices for estimating area and assessing accuracy of land change // Remote Sensing of Environment. 2014. Vol. 148. P. 42–57. DOI: 10.1016/j.rse.2014.02.015.
4. Об изменении границ Алматинской области и установлении границ области Жетісу: постановление Правительства Республики Казахстан от 23 сентября 2022 года № 735. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000735>.
5. Copernicus. SentiWiki. S2 Products. URL: <https://sentiwiki.copernicus.eu/web/s2-products>.
6. U.S. Geological Survey. Landsat Collection 2 Surface Reflectance. URL: <https://www.usgs.gov/landsat-missions/landsat-collection-2-surface-reflectance>.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Гражданско-правовая ответственность: современные подходы правопонимания и правоприменения

Дацук Екатерина Сергеевна, студент магистратуры

Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует современные подходы к пониманию гражданско-правовой ответственности и практике её применения. Рассматриваются дискуссионные вопросы соотношения договорной и внедоговорной ответственности, проблемы определения вины и противоправности, а также тенденции судебной практики по снижению неустойки. Особое внимание уделяется компенсационной природе ответственности и её проявлению в современном правоприменении.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, договорная ответственность, внедоговорная ответственность, вина, противоправность, неустойка.

Гражданско-правовая ответственность — институт, вокруг которого в цивилистике спорят десятилетиями. Причина не в академическом упрямстве: от того, как мы понимаем сущность ответственности, зависит, как мы применяем нормы. В теории разногласия выглядят безобидно, в суде — превращаются в конкретные решения: взыскать или отказать, снизить неустойку или оставить как есть [1, с. 45].

В науке сложилось несколько подходов к пониманию гражданско-правовой ответственности. Одни авторы рассматривают её как меру государственного принуждения, применяемую к правонарушителю. Другие определяют ответственность через обязанность претерпевания неблагоприятных имущественных последствий. Третий подход акцентирует внимание на санкции как форме реакции на нарушение [1, с. 46]. При всём различии формулировок общим остаётся одно: ответственность в гражданском праве носит имущественный

характер и направлена на восстановление нарушенной сферы потерпевшего, а не на наказание ради наказания.

Существенный признак гражданско-правовой ответственности — имущественные потери переносятся в сферу того лица, чьё неправомерное поведение их вызвало [1, с. 47]. Именно поэтому ответственность одного контрагента перед другим становится инструментом восстановления баланса, нарушенного неисполнением обязательства.

Одна из центральных проблем современного правопонимания — разграничение договорной и внедоговорной ответственности. Договорная наступает тогда, когда стороны связаны обязательством из договора и одна из них не исполняет или ненадлежащим образом исполняет принятые обязанности [2, с. 112]. Внедоговорная возникает вне рамок договорных отношений и основывается непосредственно на законе. Это различие восходит ещё к римскому праву, где обязательства делились на возникающие из договора и из правонарушения [3, с. 8].

Это различие имеет сугубо практическое значение. Формы и размер договорной ответственности определяются как законом, так и условиями договора — здесь работает принцип свободы договора. Внедоговорная ответственность устанавливается исключительно законом и не может быть изменена по соглашению сторон [2, с. 115]. Ошибка в квалификации приводит к применению ненадлежащих норм и, как следствие, к нарушению прав потерпевшего. Поэтому вопрос о том, договорная это ответственность или внедоговорная, — не абстракция, а рабочий инструмент судьи.

Отдельного разговора заслуживает вина. В гражданском праве вина традиционно понимается как субъективное отношение лица к совершённому правонарушению, выражающееся в осознанном нарушении обязательств или прав других участников оборота [4, с. 59]. Но в отличие от уголовного права, где вина имеет ключевое значение для квалификации, в гражданском праве она выполняет иную функцию — выступает одним из условий наступления ответственности наряду с противоправностью и причинной связью [4, с. 60].

Согласно пункту 1 статьи 401 ГК РФ, лицо, не исполнившее обязательство или исполнившее его ненадлежащим образом, несёт ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности [5]. Это означает, что вина в гражданском праве предполагается, и именно на должника возлагается бремя доказывания её отсутствия. Такое положение принци-

пиально отличается от публично-правовых отраслей, где действует презумпция невиновности.

В доктрине активно обсуждается соотношение категорий «противоправность» и «вина». Противоправность и виновность — характеристики одного и того же поведения, но природа у них разная [4, с. 18]. Противоправность относится к объективной стороне правонарушения и выражается в нарушении правового порядка или субъективного права потерпевшего. Вина — субъективное отношение лица к своему поведению и его последствиям [4, с. 19]. Смешение этих категорий на практике приводит к ошибкам: суды иногда отказывают во взыскании, ссылаясь на отсутствие вины, тогда как противоправность поведения налицо, а вина предполагается.

Дискуссионным остаётся и вопрос об ответственности без вины. Гражданское законодательство предусматривает случаи, когда ответственность наступает независимо от вины — в частности, при осуществлении предпринимательской деятельности. Единственным основанием освобождения здесь может служить непреодолимая сила [5]. Это правило стимулирует предпринимателей к надлежащему исполнению обязательств и распределяет риски в предпринимательской деятельности.

Важное значение для правоприменительной практики имеет институт снижения неустойки, предусмотренный статьёй 333 ГК РФ. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 21 декабря 2000 года № 263-О, положения пункта 1 статьи 333 ГК РФ содержат обязанность суда установить баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой действительного размера ущерба [5]. Возможность снижать неустойку при её чрезмерности — один из правовых способов против злоупотребления правом свободного определения её размера.

В судебной практике сложились определённые критерии соразмерности. Суды могут исходить из двукратной учётной ставки Банка России, действовавшей в период нарушения обязательства. Снижение ниже однократной ставки допускается лишь в исключительных случаях [5]. Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7, снижение договорной неустойки, подлежащей уплате коммерческой организацией, допускается в исключительных случаях, если она явно несоразмерна последствиям нарушения и может повлечь получение кредитором необоснованной выгоды [5].

Степень соразмерности неустойки — категория оценочная. Только суд вправе дать оценку этому критерию, исходя из своего внутреннего убеждения

и обстоятельств конкретного дела [5]. Такой подход обеспечивает гибкость правоприменения.

Современное развитие гражданско-правовой ответственности характеризуется усилением компенсационной направленности. Главная цель ответственности — не наказать нарушителя, а восстановить нарушенное право потерпевшего. Именно в компенсационной функции проявляется назначение гражданско-правовой ответственности, отличающее её от мер публично-правовой ответственности [2, с. 118]. Стимулирующая функция тоже важна: нормы об ответственности побуждают участников оборота исполнять обязательства надлежащим образом.

Вместе с тем в отдельных сферах наблюдается усиление штрафной составляющей. Например, в области защиты прав потребителей предусмотрен штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя. Эта мера, хотя и имеет компенсационную природу, выполняет и превентивную функцию [3, с. 62].

Сведём данные о соотношении подходов к пониманию гражданско-правовой ответственности в таблице 1.

Таблица 1. **Современные подходы к пониманию гражданско-правовой ответственности**

Подход	Сущность	Основная цель	Применение в практике
Государственное принуждение	Мера принудительного воздействия	Наказание нарушителя	Традиционный подход
Обязанность претерпевания	Неблагоприятные имущественные последствия	Восстановление положения	Широко применяется
Санкция	Установленная законом или договором мера	Обеспечение исполнения	Договорная практика
Компенсационная теория	Возмещение потерь потерпевшего	Восстановление справедливости	Современная тенденция

Как видно из таблицы 1, компенсационная теория постепенно вытесняет классические репрессивные модели. Это связано с общей гуманизацией гражданского права и ориентацией на защиту слабой стороны договора [2, с. 120].

Таким образом, современное правопонимание гражданско-правовой ответственности характеризуется многообразием теоретических подходов и гибкостью правоприменительной практики. Ключевые тенденции — усиление компенсационной направленности, дифференцированный подход к определению размера ответственности с учётом конкретных обстоятельств дела и поиск ба-

ланса интересов участников оборота. Дальнейшее развитие института, вероятно, будет связано с адаптацией к новым экономическим реалиям и совершенствованием механизмов судебной защиты нарушенных прав.

Литература:

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. — М.: Статут, 2020.
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгалло. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2021. — Т. 1.
3. Суханов Е. А. Гражданское право. — М.: Статут, 2023.
4. Соотношение категорий «противоправность» и «вина» при привлечении к юридической ответственности в гражданском праве // Юрист. — 2025. — № 10. — С. 18–24.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

Суд присяжных в Российской империи в период судебной реформы 1864 года

Евстюнин Филипп Николаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванов Антон Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Статья посвящена становлению и деятельности суда присяжных в Российской империи в ходе судебной реформы 1864 года. Рассматриваются нормативные основы, состав, компетенция и процессуальные особенности участия присяжных в рассмотрении уголовных дел, а также значение принципов гласности, состязательности и внутреннего убеждения. Делается вывод о прогрессивной роли данного института в развитии российской судебной системы при сохранении сословных ограничений и последующем сужении его подсудности.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 года, Судебные уставы, суд присяжных, присяжные заседатели, уголовное судопроизводство, Российская империя, подсудность, вердикт присяжных.

The Jury System in the Russian Empire During the Judicial Reform of 1864

Evstyunin Filipp Nikolaevich, graduate student

Scientific supervisor: Ivanov Anton Viktorovich, Candidate of Law, Associate Professor

Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

This article examines the establishment and functioning of the jury system in the Russian Empire following the judicial reform of 1864. It analyzes the legal framework, composition, jurisdiction, and procedural aspects of jury participation in criminal trials, as well as the significance of the principles of public proceedings, the adversarial process, and the jurors' inner conviction. The author concludes that the institution played a progressive role in the development of the Russian judicial system, despite the persistence of estate-based restrictions and the subsequent curtailment of its jurisdiction.

Keywords: judicial reform of 1864; Judicial Statutes; jury trial; jurors; criminal proceedings; Russian Empire; jurisdiction; jury verdict.

Судебная реформа 1864 года закрепила новую для России систему уголовного судопроизводства, важнейшим элементом которой стал суд с участием присяжных заседателей. Нормативной основой его деятельности выступали Судебные уставы 20 ноября 1864 года [7, с. 1–185]. В частности, порядок участия присяжных регулировался Учреждением судебных установлений и Уставом уголовного судопроизводства. Эти акты определили компетенцию суда присяжных, правила составления списков кандидатов, основания освобождения от исполнения обязанностей, процедуру отбора заседателей и порядок вынесения вердикта [1, с. 22].

Суд присяжных создавался при окружных судах и рассматривал наиболее тяжкие уголовные дела. В его состав входили три профессиональных судьи и двенадцать присяжных заседателей. Дополнительно формировались два запасных присяжных, которые могли заменить выбывших членов коллегии. Такая организационная модель обеспечивала возможность непрерывного рассмотре-

ния дела и одновременно позволяла соединить профессиональное правоприменение с участием представителей общества.

Компетенция суда присяжных определялась прежде всего тяжестью предполагаемого преступления и видом возможного наказания. Как правило, с участием присяжных рассматривались дела о преступлениях, за которые было предусмотрено лишение или ограничение прав состояния, каторга, ссылка, заключение в исправительные арестантские роты и другие строгие меры уголовного наказания. При этом из подсудности суда присяжных исключались отдельные категории дел, затрагивавшие государственные интересы, военную службу, печать, должностные преступления и некоторые иные сферы [5, с. 87].

Для включения в списки присяжных законодательство устанавливало ряд условий. Присяжным мог быть российский подданный мужского пола, достигший установленного возраста и отвечающий требованиям оседлости, имущественного положения и социальной благонадежности. Не допускались лица, находившиеся под следствием или судом, осужденные за преступления, несостоятельные должники, домашняя прислуга, а также некоторые иные категории населения. Указанные ограничения отражали сословный характер российского общества второй половины XIX века.

Несмотря на наличие имущественного ценза, суд присяжных имел значительную общественную ценность. Он впервые позволил представителям различных сословий принимать непосредственное участие в разрешении уголовных дел. В состав коллегий включались дворяне, купцы, мещане, крестьяне, чиновники и представители иных социальных групп. Это способствовало тому, что судебное решение воспринималось не только как выражение воли государства, но и как результат участия общества в осуществлении правосудия. [4, с. 274].

Процедура рассмотрения дела в суде присяжных основывалась на принципах устности, гласности, непосредственности и состязательности. Обвинитель и защитник представляли суду и присяжным доказательства, допрашивали свидетелей, выступали в прениях. Подсудимый получал возможность защищать свои права лично и с помощью адвоката. Судебное следствие проходило публично, что обеспечивало общественный контроль над деятельностью суда и снижало риск произвольного разрешения уголовного дела.

После завершения судебного следствия и прений сторон председательствующий судья обращался к присяжным с напутственным словом. В нем разъяснялись содержание предъявленного обвинения, юридическое значение доказательств, порядок оценки обстоятельств дела и вопросы, на которые должны

были ответить присяжные. Напутственное слово не должно было предрешать исход дела, однако на практике его содержание могло оказывать существенное влияние на позицию коллегии. Это стало одной из наиболее дискуссионных сторон деятельности суда присяжных в Российской империи.

Вопросы, поставленные перед присяжными, обычно касались события преступления, участия в нем подсудимого, виновности и наличия обстоятельств, влияющих на ответственность. Присяжные не определяли меру наказания: их основной задачей являлось вынесение вердикта о виновности или невиновности. В ряде случаев коллегия могла признать подсудимого виновным, но заслуживающим снисхождения. Такое решение влияло на последующее назначение наказания профессиональным судом [6, с. 31].

Важной особенностью суда присяжных являлось принятие решения на основе внутреннего убеждения заседателей. В отличие от дореформенной системы формальных доказательств, присяжные оценивали доказательства в их совокупности, руководствуясь здравым смыслом, жизненным опытом и впечатлением от непосредственного исследования обстоятельств дела. Именно этот подход обеспечивал гуманистическую направленность нового судопроизводства, но одновременно порождал опасения относительно возможной эмоциональности и непредсказуемости вердиктов.

Практика деятельности суда присяжных во второй половине XIX века показала его значительное влияние на развитие российской юридической культуры. Открытые процессы с участием известных адвокатов и прокуроров становились важными общественными событиями. В ходе судебных разбирательств формировались традиции судебной речи, профессиональной защиты, прокурорского обвинения и публичного обсуждения вопросов права. Особую известность получили процессы, в которых участвовали А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасович и другие выдающиеся юристы.

Одним из наиболее известных примеров является дело Веры Засулич, рассмотренное Санкт-Петербургским окружным судом в 1878 году под председательством А. Ф. Кони. Оправдательный вердикт присяжных по этому делу вызвал широкий общественный резонанс и стал основанием для критики института со стороны представителей власти. Данный процесс продемонстрировал, что коллегия присяжных способна принимать решения, отличающиеся от ожиданий административных органов и официального обвинения [3, с. 115–138; 2, с. 22].

Реакцией государства на отдельные оправдательные вердикты стало постепенное ограничение компетенции суда присяжных. В конце XIX века из его под-

судности были изъяты некоторые дела о государственных преступлениях, преступлениях против порядка управления, должностных преступлениях и иных категориях деяний. Законодательные изменения были направлены на усиление контроля государства над уголовным судопроизводством. Вместе с тем сам институт сохранился и продолжал играть важную роль в судебной системе Российской империи.

Современные исследователи отмечают двойственный характер дореволюционного суда присяжных. С одной стороны, он являлся прогрессивным институтом, способствовавшим гласности и состязательности процесса. С другой стороны, его деятельность была ограничена сословными цензами, исключениями из подсудности и возможностью вмешательства государства в организационные основы суда. Тем не менее опыт 1864–1917 годов имеет большое значение для понимания современной российской модели участия граждан в осуществлении правосудия [8, с. 140].

Таким образом, суд присяжных в период судебной реформы 1864 года стал одним из ключевых институтов обновленной судебной системы Российской империи. Он обеспечил участие общества в уголовном правосудии, способствовал утверждению принципов гласности и состязательности, а также оказал существенное влияние на развитие адвокатуры и судебной практики. Несмотря на последующие ограничения, дореволюционная модель стала исторической основой для возрождения суда присяжных в современной России.

Литература:

1. Жолобова Г. А., Курамшин Д. В. Суд присяжных в Российской империи: осмысление первого опыта в период контрреформ 1880–1890-х гг. (к 160-летию судебной реформы) // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 12. С. 17–29.
2. Казанцев С. М. Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. Ленинград: Лениздат, 1991. 512 с.
3. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы: к пятидесятилетию Судебных уставов. Москва: Изд-во юридической литературы, 1966. 296 с.
4. Кустова И. Н. Суд присяжных в Российской империи: образование и особенности функционирования // Вестник науки. 2023. Т. 5, № 10 (67). С. 272–275.
5. Перова Ю. С. Модель суда присяжных по Судебным уставам 1864 года // Самарский научный вестник. 2025. Т. 14, № 1. С. 84–88.

6. Перова Ю.С. Правовое регулирование деятельности присяжных заседателей в дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2023. Т. 5, № 4 (20). С. 27–36.
7. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Часть первая: Учреждение судебных установлений. Санкт-Петербург: Типография Правительствующего Сената, 1864. 567 с.
8. Хутько Т.В., Канаева Т.В., Кормич Е.В. Судебная реформа Александра II и развитие правосудия в пореформенной России // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 11–4 (125). С. 137–140.

Гражданско-правовая защита субъективных прав как элемент механизма правового регулирования

Магсумова Камилла Айратовна, студент магистратуры

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева

***Ключевые слова:** защита прав, механизм регулирования, гражданская ответственность, способы защиты.*

Институт защиты субъективных гражданских прав на сегодняшний день сохраняет значимость как для науки гражданского права, так и для правоприменительной практики. В отечественной юридической науке проблематика гражданско-правовой защиты субъективных гражданских прав неоднократно становилась предметом исследований, что обусловлено постоянным изменением общественных правоотношений. Обновление нормативной базы создало предпосылки для дальнейшего формирования и развития цивилистических концепций, затрагивающих содержание субъективных прав, пределы их осуществления и способы восстановления при нарушении. Многие положения современного гражданского законодательства на момент их появления представляли собой существенный шаг в развитии отечественного частного права и, соответственно, способствовали зарождению научных дискуссий о механизмах защиты и реализации субъективных гражданских прав.

При рассмотрении вопроса о защите субъективных гражданских прав, следует первоначально определить правовую природу рассматриваемого правового явления. Несмотря на то, что институт защиты основывается на нор-

мах объективного права, непосредственным объектом воздействия выступает именно субъективное право конкретного лица, охраняемое действующим законодательством. В этой связи защита субъективного права можно охарактеризовать как действие, которое занимает определенное место в механизме правового регулирования. К числу других элементов механизма правового регулирования можно отнести: нормы права, акты реализации прав и обязанностей и т. д. В Гражданском кодексе Российской Федерации в ст. 12 закреплены основные способы защиты гражданских прав, к которым законодатель относит: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки; признания недействительным решения собрания; признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащиты права; присуждения к исполнению обязанности в натуре; возмещения убытков; взыскания неустойки; компенсации морального вреда; прекращения или изменения правоотношения; неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону. Многообразие способов защиты порождает одну из существенных проблем современной цивилистической доктрины — проблему выбора надлежащего способа защиты. Наличие у лица нарушенного права само по себе еще не означает автоматического удовлетворения заявленного требования. Необходимо установить, соответствует ли избранный способ характеру допущенного нарушения, способен ли он привести к восстановлению нарушенного права и предусмотрен ли соответствующий механизм законом. Таким образом, эффективность защиты определяется не только существованием самого права, но и правильностью использования предусмотренного правом инструментария. Данная проблема приобретает особую актуальность в судебной практике, поскольку неправильный выбор способа защиты способен привести к отказу в удовлетворении требований даже при наличии факта нарушения права.

Согласно гражданскому законодательству, все участники гражданского оборота должны действовать добросовестно не только при реализации своих прав и обязанностей, но и реализуя защиту своих субъективных прав. В этой связи в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» говорится о том, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснован-

ного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. Таким образом, само право на защиту субъективного права не является безусловным основанием для удовлетворения любых требований субъекта. Механизм защиты субъективных гражданских прав также подчиняется общим пределам осуществления гражданских прав.

Существенную роль в механизме защиты субъективных гражданских прав выполняет судебная форма защиты. Судебная защита имеет особое значение именно потому, что позволяет применять меры государственного принуждения и обеспечивать исполнение принятого решения. Вместе с тем современное гражданское право не предполагает полного вытеснения внесудебных форм защиты судебными механизмами, поскольку самозащита, договорные способы урегулирования споров и иные предусмотренные законом средства способны обеспечить более оперативное восстановление нарушенных прав.

Таким образом, характеризуя гражданско-правовую защиту субъективных прав как элемент механизма правового регулирования, следует выделить следующие отличительные признаки данного института: благодаря реализации защиты субъективного права происходит обеспечение перехода от нормативного регулирования к его фактическому осуществлению и восстановлению в случае нарушения. Основные научные дискуссии ведутся в отношении определения способов защиты, определении пределов и критериев эффективного применения соответствующих способов. На наш взгляд, дальнейшее развитие механизма защиты гражданских прав должно быть направлено на обеспечение баланса интересов всех участников гражданского оборота, поскольку данная способность защитного механизма способна не только признать нарушение права, но и фактически позволяет его восстановить.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации / часть первая от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (с изм. от 10 июня 2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. № 25. — Ст. 2954; 2026. — № 54. Ст. 6930.
2. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 70.

ПСИХОЛОГИЯ

Стиль педагогического общения и его влияние на учебную мотивацию обучающихся

Громова Екатерина Андреевна, учитель-дефектолог

ГБНОУ «Школа здоровья и индивидуального развития» (г. Санкт-Петербург)

В статье представлен теоретико-аналитический обзор проблемы влияния стиля педагогического общения на учебную мотивацию обучающихся. Рассматривается педагогическое общение как ключевой фактор образовательной среды, определяющий эмоционально-психологический климат и уровень вовлеченности учащихся в учебную деятельность. Анализируются авторитарный, демократический и либеральный стили педагогического общения, раскрываются их психологические механизмы воздействия на внутреннюю и внешнюю мотивацию. Обоснована значимость развития коммуникативной компетентности педагога как условия повышения эффективности образовательного процесса.

Ключевые слова: педагогическое общение, стиль взаимодействия, учебная мотивация, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, образовательная среда, педагогическая психология.

Введение

Современные изменения в системе образования, связанные с гуманизацией и индивидуализацией обучения, усиливают внимание исследователей к психологическим аспектам педагогического взаимодействия. Одним из центральных факторов, определяющих эффективность образовательного процесса, выступает **учебная мотивация** обучающихся.

В классическом, деятельностном подходе А. К. Марковой, *учебная мотивация* — это системное образование, включающее в себя направленность, цели, содержательные и динамические характеристики побуждений, которые определяют учебную деятельность человека и его отношение к ней. [10]

В рамках личностно-ориентированного подхода Л. И. Божович *мотивация обучения* — это совокупность мотивов, которые определяют учебную деятельность школьника, включающая в себя как *познавательные* (внутренние) интересы, так и широкие *социальные* мотивы (потребность в одобрении, стремление к успеху, подготовке к будущей профессии). [2]

Согласно психофизиологическому подходу Е. П. Ильина учебная мотивация — это динамический процесс формирования и поддержания побуждения к учебной деятельности, обусловленный как внутренними потребностями личности (познавательными, статусными), так и внешними факторами среды (требованиями преподавателей, социума). [6]

По мнению авторов теории детерминации Э. Деси и Р. Райана *учебная мотивация* представляет собой континуум регуляции поведения, разделяющийся на внутреннюю (обусловленную личным интересом и удовольствием от процесса познания) и внешнюю (стимулируемую внешними наградами, оценками, требованиями или чувством долга) автономию личности в процессе обучения. [11]

Таким образом, *учебная мотивация* является сложным психологическим образованием, включающим систему внутренних потребностей, целей, интересов и внешних стимулов, побуждающих обучающегося к учебной деятельности. При этом значительную роль в её формировании играет не только содержание образования, но и характер взаимодействия между педагогом и учащимися.

Педагогическое общение выступает важнейшим социально-психологическим механизмом, через который осуществляется влияние педагога на познавательную, эмоциональную и личностную сферу обучающегося. В этом контексте стиль педагогического общения становится фактором, определяющим направленность и устойчивость учебной мотивации.

Педагогическое общение как психологический феномен

Педагогическое общение можно определить как целенаправленный процесс взаимодействия педагога и обучающихся, направленный на организацию образовательной деятельности, передачу знаний, формирование умений и развитие личности учащегося.

В. А. Кан-Калик, основоположник теории педагогического общения, предлагает такое определение: *профессионально-педагогическое общение* — это система органичного социально-психологического взаимодействия педагога и воспитуемых, содержанием которого является обмен информацией, оказание воспитательного воздействия, организация взаимоотношений с помощью коммуникативных средств. [7,8]

В структуре педагогического общения традиционно выделяются три взаимосвязанных компонента:

- *когнитивный* (обмен информацией, объяснение учебного материала);
- *эмоциональный* (создание эмоционального фона взаимодействия);
- *поведенческий* (регуляция учебной активности и поведения обучающихся). [4]

Эффективность педагогического общения определяется степенью согласованности этих компонентов и их направленностью на развитие личности обучающегося.

Психологические функции педагогического общения

Педагогическое общение выполняет ряд важных функций:

- 1) информационную (передача знаний);
- 2) регулятивную (организация учебной деятельности);
- 3) мотивационную (формирование интереса и побуждений к обучению);
- 4) развивающую (стимуляция личностного роста);
- 5) эмоционально-поддерживающую (создание психологически безопасной среды).

Особое значение имеет мотивационная функция, так как именно через общение педагог влияет на формирование отношения учащегося к учебной деятельности.

Структура учебной мотивации

Учебная мотивация рассматривается как система устойчивых побуждений, определяющих направленность учебной деятельности. В рамках современных психологических подходов (в частности, теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана) выделяются:

- *внутренняя мотивация*, основанная на интересе к познанию, удовольствии от процесса обучения и стремлении к саморазвитию;
- *внешняя мотивация*, связанная с оценками, требованиями, наказаниями и социальным давлением.

Также выделяется промежуточная форма — *интроецированная мотивация*, при которой внешние требования частично принимаются личностью, но не становятся полностью внутренними. [11]

Стили педагогического общения

Авторитарный стиль

Авторитарный стиль педагогического общения характеризуется высокой степенью контроля, директивностью и доминированием педагога в процессе

взаимодействия. Коммуникация носит преимущественно односторонний характер. Психологические особенности данного стиля включают:

- преобладание требований над поддержкой;
- ограничение самостоятельности обучающихся;
- высокая значимость оценки и контроля;
- низкий уровень диалогичности.

Психологический механизм влияния на мотивацию заключается в формировании мотивации избегания неудачи. Обучающийся ориентируется на внешние санкции, а не на содержание учебной деятельности.

Демократический стиль

Демократический стиль основан на сотрудничестве, уважении к личности обучающегося и развитии субъект-субъектного взаимодействия.

Его ключевые характеристики:

- диалогичность общения;
- учет мнения обучающихся;
- поддержка инициативы;
- сочетание требований и эмоциональной поддержки.

Психологический механизм влияния связан с удовлетворением базовых потребностей личности в автономии, компетентности и принадлежности, что способствует формированию внутренней мотивации.

Либеральный стиль

Либеральный стиль характеризуется минимальным уровнем контроля со стороны педагога, слабой структурированностью учебного процесса и высокой степенью свободы обучающихся.

Особенности:

- отсутствие четких требований;
- низкая степень организации деятельности;
- ограниченная обратная связь.

Психологический механизм влияния связан с дефицитом внешней структуры, что может приводить к снижению учебной устойчивости и фрагментации мотивации.

Влияние стиля педагогического общения на учебную мотивацию

Формирование внутренней мотивации

Наиболее благоприятные условия для формирования внутренней мотивации создаются в рамках демократического стиля общения. В этом случае у обучающихся:

- формируется устойчивый познавательный интерес;

- усиливается чувство компетентности;
- развивается автономия в учебной деятельности;
- повышается удовлетворенность процессом обучения.

Формирование внешней мотивации

Авторитарный стиль способствует преобладанию внешней мотивации. В этом случае учебная деятельность регулируется через:

- оценки;
- контроль;
- наказания и поощрения.

Хотя такой подход может обеспечивать краткосрочную дисциплину, он снижает устойчивость учебной активности в долгосрочной перспективе.

Либеральный стиль может одновременно снижать тревожность и уменьшать учебную нагрузку, однако при отсутствии структуры он приводит к:

- снижению учебной дисциплины;
- потере целей обучения;
- снижению устойчивости мотивации;
- росту прокрастинации.

Психологические механизмы влияния общения на мотивацию

Влияние педагогического общения на мотивацию обучающихся опосредуется рядом психологических механизмов:

- *Эмоциональное заражение* — передача эмоционального состояния педагога учащимся.
- *Идентификация* — принятие модели поведения педагога как значимой.
- *Интериоризация норм* — переход внешних требований во внутренние установки.
- *Обратная связь* — формирование самооценки через оценочные реакции педагога.
- *Подкрепление поведения* — закрепление учебных действий через поощрение или санкции.

Развитие коммуникативной компетентности педагогов

Развитие коммуникативной компетентности педагога выступает содержательной основой для трансформации его индивидуального стиля общения. сформированность рефлексивных, перцептивных и интерактивных компонентов коммуникативной компетентности позволяет педагогу применять в своей работе разные стили взаимодействия и гибко адаптировать их под возрастные и психологические особенности учащихся. [10] Стратегии развития данной компетентности носят комплексный характер и включают:

- *Когнитивно-рефлексивный уровень*: развитие коммуникативной саморегуляции, эмпатии и осознания собственных барьеров общения;
- *Деятельностно-практический уровень*: внедрение активных методов обучения (тренинги, мастерские, анализ видеозаписей уроков) и освоение техник фасилитации;
- *Средовой уровень*: создание условий для профессионального сетевого взаимодействия, супервизии и обмена коммуникативным опытом.

Таким образом, коммуникативная компетентность служит внутренним ресурсом, а стиль общения — внешним процессуальным проявлением педагогического взаимодействия, определяющим его развивающий и мотивационный потенциал.

Заключение

Результаты теоретического анализа позволяют утверждать, что стиль педагогического общения является не просто характеристикой профессионального поведения педагога, но и мощным психологическим фактором формирования учебной мотивации.

Демократический стиль способствует развитию внутренней мотивации, автономии и познавательной активности. Авторитарный стиль усиливает внешнюю мотивацию и ориентацию на контроль, тогда как либеральный стиль может приводить к снижению учебной организованности и устойчивости мотивации. При этом важно учитывать, что эффективность стиля зависит от возрастных особенностей обучающихся и уровня их учебной самостоятельности.

Развитие коммуникативной компетентности педагога, основанной на гибком использовании различных стилей общения, является важным условием повышения качества образовательного процесса.

Литература:

1. Бодалев, А.А. Личность и общение: избранные психологические труды / А.А. Бодалев. — Москва: Международная педагогическая академия, 1995. — 328 с.
2. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — 398 с.
3. Гордеева, Т.О. Теория самодетерминации в психологии обучения: история, современное состояние и перспективы / Т.О. Гордеева // Вопросы психологии. — 2010. — № 4. — С. 138–151.

4. Гордеева, Т.О. Стиль преподавания как фактор академической мотивации и достижения учащихся / Т.О. Гордеева, О.А. Сычев // Психологическая наука и образование. — 2021. — Т. 26, № 1. — С. 26–37.
5. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов / И.А. Зимняя. — 3-е изд., перераб. — Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. — 448 с.
6. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. — Санкт-Петербург: Питер, 2011. — 512 с.
7. Кан-Калик, В.А. Учителю о педагогическом общении: книга для учителя / В.А. Кан-Калик. — Москва: Просвещение, 1987. — 190 с.
8. Кан-Калик, В.А. Учителю о педагогической технике / В.А. Кан-Калик // Педагогический поиск / сост. И.Н. Баженова. — Москва: Педагогика, 1987. — С. 483–512.
9. Маркова, А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: пособие для учителя / А.К. Маркова. — Москва: Просвещение, 1983. — 96 с.
10. Маркова, А.К. Психология труда учителя / А.К. Маркова. — Москва: Просвещение, 1993. — 192 с.
11. Реан, А.А. Социальная педагогическая психология / А.А. Реан, Я.Л. Коломинский. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — 416 с.

Методологические подходы к диагностике корпоративной культуры и психологического благополучия сотрудников образовательных организаций

Ким Юлия Артуровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Жабарова Люция Алиевна, доктор философии (PhD) по психологическим наукам, доцент

Университет Пучон в Ташкенте (Узбекистан)

Рассматриваются методические основания совместной диагностики корпоративной культуры и психологического благополучия сотрудников образовательных организаций. На основе публикаций 2019–2025 годов предложена последовательность выбора и адаптации диагностических инструментов, объединения количественных и качественных данных и интерпретации ре-

зультатов. Обоснована необходимость разграничения организационной культуры, условий труда и индивидуального благополучия. Практическая значимость подхода состоит в подготовке данных для адресных управленческих решений.

Ключевые слова: образовательный менеджмент, корпоративная культура, психологическое благополучие, диагностика, организационная среда.

Введение. Диагностика внутренней среды образовательной организации позволяет перейти от общих оценок отношений в коллективе к обоснованному выбору мер поддержки сотрудников. При этом благополучие нельзя оценивать исключительно по отсутствию жалоб или выраженного эмоционального истощения. Систематический обзор Т. Хашер и Дж. Вабер показывает разнообразие научных трактовок благополучия педагогов и важную роль социальных отношений в его изучении [1]. Следовательно, диагностическая программа должна учитывать как переживания человека, так и особенности профессионального взаимодействия.

Методическая проблема заключается в несоответствии между сложностью исследуемых явлений и стремлением измерить их одной анкетой. Оценка удовлетворённости работой не раскрывает всей структуры благополучия, а декларация общих ценностей не подтверждает их реализацию в повседневной практике. В модели К. Виака и П. Фрейзера благополучие педагогов включает физический и психический, когнитивный, субъективный и социальный компоненты; условия труда рассматриваются на уровне организации и образовательной системы [2].

Цель работы — обосновать комплексный методический подход к диагностике корпоративной культуры и психологического благополучия сотрудников образовательных организаций. Метод исследования — аналитическое сопоставление научных публикаций и результатов валидации измерительных инструментов, опубликованных начиная с 2019 года. Работа имеет теоретико-методический характер: предлагаемая диагностическая программа нуждается в последующей эмпирической апробации.

Степень изученности. Для целей диагностики корпоративная культура понимается как система разделяемых ценностей, норм и устойчивых практик взаимодействия. Её следует отличать от организационного климата — восприятия сотрудниками актуальных условий работы. В предлагаемой программе культура исследуется через согласованность ценностных установок и фактических практик, а климат выступает дополнительным источником информации о том,

как эти практики переживаются сотрудниками. Такое разграничение предупреждает подмену исследования культуры разовой оценкой настроения коллектива.

Связать организационные характеристики и индивидуальное состояние позволяет теория требований и ресурсов работы. В обзоре А. Баккера, Э. Демерути и А. Санз-Вергел рассматриваются процессы истощения и вовлечённости, взаимодействие человека и ситуации, а также многоуровневый характер профессиональной среды [3]. Применительно к диагностике в образовании предлагается отдельно оценивать требования — нагрузку, эмоционально сложные взаимодействия, неопределённость обязанностей — и ресурсы: поддержку, автономию, обратную связь и возможности развития. Низкая нагрузка сама по себе не свидетельствует о достаточности ресурсов.

Российские исследования показывают необходимость изучать культуру через сочетание формальных правил и повседневного взаимодействия. Н.А. Гетман и соавторы при разработке программы развития корпоративной культуры вуза выделяют систематическую диагностику как условие её корректировки. Авторы рассматривают ценности, нормы, традиции и документы организации, сочетая их изучение с опросными методами [4]. Для предлагаемой программы это означает необходимость сопоставлять заявленные принципы с опытом сотрудников, а не ограничиваться определением типа культуры по анкете.

Связь организационной среды с благополучием подтверждается российскими данными. Е.Н. Волкова обобщила результаты трёх исследований с участием 1018 школьных учителей. Благополучие оказалось связано с удовлетворённостью работой, организацией и отношениями с коллегами, а также с вовлечённостью в деятельность школы [5]. Поэтому в диагностическую программу целесообразно включать характеристики профессионального взаимодействия. При этом выявленные связи не доказывают причинного влияния культуры, а результаты школьной выборки нельзя автоматически переносить на сотрудников вузов Узбекистана.

На этой основе предлагается не определять единственный «лучший» тип культуры, а составлять профиль организации. В него включаются способы согласования решений, поддержки инициатив, признания профессионального вклада и разрешения разногласий. Диагностически значимы расхождения между заявленными ценностями и описанными сотрудниками ситуациями, а также различия между подразделениями. Эти показатели предлагаются как направления анализа, а не как уже валидированная авторская шкала.

Методология исследования. Для оценки благополучия целесообразно использовать инструмент с положительными измерениями, дополняя его показателями напряжения. В российском исследовании Е. Н. Волковой и соавторов применён русскоязычный PERMA-Profiler, оценивающий позитивные эмоции, вовлечённость, отношения, смысл и достижения. В выборку вошли 2135 воспитателей из 79 регионов России; показатели благополучия были связаны с возрастом, стажем, квалификационной категорией и семейными характеристиками [6]. Это обосновывает учёт состава коллектива при сравнении групп. Наличие русскоязычной версии облегчает выбор инструмента, но не отменяет проверки его понятности и применимости в образовательных организациях Узбекистана.

В качестве дополнительного инструмента для исследования рабочей среды можно рассматривать Copenhagen Psychosocial Questionnaire III (COPSOQ III). В публикации Х. Бурра и соавторов представлены результаты проверки его международной версии на данных 23 361 работника из шести стран [7]. Его тематические шкалы позволяют исследовать психосоциальные требования, организационные отношения и другие характеристики труда. COPSOQ III дополняет диагностику культуры, но не заменяет её: условия труда и система ценностей представляют разные уровни анализа.

Предлагаемая программа включает четыре последовательных этапа. На первом формулируются исследовательские вопросы и определяется состав участников: педагогические, административные и вспомогательные работники. На втором выбираются инструменты и проводится языковая адаптация. На третьем организуются анкетирование и интервью. На четвёртом сопоставляются результаты и разрабатываются рекомендации. Такое построение обеспечивает переход от концептуального определения показателей к их измерению и практической интерпретации.

При адаптации необходимо согласовать прямой и обратный перевод, провести экспертное обсуждение и когнитивные интервью: участник объясняет, как понял вопрос и почему выбрал ответ. Пилотное обследование позволяет выявить непонятные формулировки, чрезмерную продолжительность опроса и пропуски. Изменение содержания или способа подсчёта опубликованной шкалы следует документировать; после существенных изменений прежние свидетельства валидности нельзя автоматически переносить на новую версию.

Количественные данные рекомендуется дополнить полуструктурированными интервью и анализом организационных документов. В интервью можно обсуждать конкретные ситуации получения помощи, распределения нагрузки и реакции руководства на ошибки. Документы показывают формальные пра-

вила, а рассказы работников — их фактическое применение. Совпадение источников усиливает обоснованность интерпретации; расхождение становится самостоятельным предметом анализа, а не основанием признать один источник ошибочным.

Участие должно быть добровольным, а представление результатов — обезличенным. Не следует передавать руководителям индивидуальные ответы или публиковать сведения о малых группах, позволяющие узнать человека. Для двуязычного коллектива важно предоставить сопоставимые версии анкеты и заранее определить порядок обращения с чувствительной информацией. Эти условия необходимы одновременно для защиты участников и повышения достоверности ответов.

Обработка результатов и управленческое применение. До анализа взаимосвязей проверяются полнота данных, распределения ответов и внутреннее согласование шкал. Коэффициенты альфа Кронбаха и омега могут характеризовать согласованность, но не доказывают валидность инструмента. Факторный анализ проводится при достаточном объеме и качестве выборки. Если обследован небольшой коллектив, предпочтительнее ограничиться обоснованным описанием профилей и качественным анализом, чем заявлять подтверждение сложной измерительной модели.

Сравнивать профессиональные группы или языковые версии следует после проверки сопоставимости измерения. Различие средних значений может отражать не только особенности среды, но и разное понимание вопросов. Для общей организационной оценки также важно установить, насколько сотрудники согласны между собой. Без такой проверки усреднение способно скрыть противоположный опыт работников разных подразделений. При обследовании нескольких организаций необходимо учитывать вложенность индивидуальных ответов в организационные группы.

Для изучения связей между культурой и благополучием могут применяться корреляционные и регрессионные методы с учётом нагрузки, стажа, должности и других обоснованных характеристик. Однако разовый опрос не устанавливает причинность: возможны обратное влияние и действие неучтённых факторов. Б. Дрер в систематическом обзоре исследований последствий благополучия педагогов отмечает преобладание корреляционных результатов и ограниченность работ, допускающих причинную интерпретацию [8].

Одновременное измерение всех переменных одним самоотчётом может усилить сходство ответов. В предлагаемой программе этот риск уменьшается сочетанием анкет, интервью и документов, нейтральными формулировками

и независимым сбором данных. Для проверки динамики полезно повторное обследование в сопоставимый период учебного года: сезонная нагрузка иначе затруднит интерпретацию изменений. Решение о повторном замере и критериях оценки следует принимать до реализации управленческих мер.

Практический результат диагностики предлагается представлять как карту приоритетов. Например, сочетание слабой поддержки и выраженного напряжения может стать основанием для обсуждения наставничества и регулярной обратной связи; сочетание высокой вовлечённости и недостаточного восстановления — для пересмотра нагрузки. Это возможные направления решений, которые требуют проверки в конкретной организации. Каждый приоритет необходимо связать с ответственными, сроками и показателями повторной оценки, сохраняя конфиденциальность индивидуальных данных.

Заключение. Комплексная диагностика предполагает разграничение культуры, психосоциальных условий труда и психологического благополучия, использование адаптированных инструментов и сопоставление нескольких источников данных. Методический результат работы — предложенная последовательность построения диагностической программы, ориентированной на управленческие решения. Её применение в образовательных организациях Узбекистана требует языковой и контекстной апробации. Надёжность выводов определяется качеством измерения и исследовательского дизайна; теоретически обоснованная программа сама по себе не является доказательством установленных эмпирических связей.

Литература:

1. T. Hascher, J. Waber Teacher well-being: A systematic review of the research literature from the year 2000–2019 / T. Hascher, J. Waber // Educational Research Review. — 2021. — Vol. 34. — Article 100411.
2. Viac, C. Teachers' well-being: A framework for data collection and analysis / C. Viac, P. Fraser. — Paris: OECD Publishing, 2020. — 81 p. — (OECD Education Working Papers; No. 213).
3. Bakker, A. B. Job Demands — Resources Theory: Ten Years Later / A. B. Bakker, E. Demerouti, A. Sanz-Vergel // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. — 2023. — Vol. 10. — P. 25–53.
4. Педагогические условия развития корпоративной культуры образовательной организации / Н. А. Гетман, В. В. Котенко, Е. Н. Котенко [и др.] // Современные наукоемкие технологии. — 2021. — № 12, ч. 1. — С. 148–152.

5. Волкова, Е. Н. Психологическое благополучие школьного учителя: предикторы и корреляты модели PERMA / Е. Н. Волкова // Психологическая наука и образование. — 2025. — Т. 30, № 2. — С. 73–86.
6. Психологическое благополучие воспитателей дошкольных образовательных учреждений России / Е. Н. Волкова, Н. А. Руднова, О. М. Исаева [и др.] // Психологическая наука и образование. — 2023. — Т. 28, № 3. — С. 85–100.
7. The Third Version of the Copenhagen Psychosocial Questionnaire / H. Burr, H. Berthelsen, S. Moncada [et al.] // Safety and Health at Work. — 2019. — Vol. 10, No. 4. — P. 482–503.
8. Dreer, B. On the outcomes of teacher wellbeing: a systematic review of research / B. Dreer // Frontiers in Psychology. — 2023. — Vol. 14. — Article 1205179
9. Жабарова Л. А., Ким Ю. А. (2025, November 23). Взаимосвязь эмоционального выгорания и академическая мотивация студентов в процессе научной деятельности. <https://doi.org/10.5281/zenodo.1769132110>.

От «не за что» к «пожалуйста»: о ценности собственного времени и усилий

Подпряткова Алина Сергеевна, студент

Московский международный университет

Статья посвящена рассмотрению повседневной речевой формулы «не за что» как одного из возможных проявлений отношения человека к собственному вкладу во взаимодействие с другими людьми. Цель работы — показать, что ответ на благодарность представляет интерес не только с точки зрения речевого этикета, но и с точки зрения психологического и коммуникативного содержания. В работе сопоставляются понятия благодарности, самообесценивания, признания собственного вклада и речевой вежливости. На основе анализа научных подходов к вежливости, речевым актам благодарности и самосостраданию рассматривается функция ответных реплик на «спасибо». Особое внимание уделяется профессиональной коммуникации, где время, знания, внимание и труд выступают значимыми ресурсами. Делается вывод о том, что употребление формулы «не за что» само по себе не свидетельствует о низкой самооценке: ее значение зависит от контекста, коммуникативной нормы и намерения гово-

рящего. Вместе с тем систематическое автоматическое обесценивание собственного вклада может рассматриваться как коммуникативная привычка, заслуживающая осмысления. Ответ «пожалуйста» в таком случае позволяет принять благодарность без требования дополнительного вознаграждения и без отрицания факта оказанной помощи.

Ключевые слова: самообесценивание, самооценка, благодарность, речевой этикет, речевые акты, вежливость, профессиональная коммуникация, личные границы, время, труд.

Введение

В повседневном общении человек постоянно использует устойчивые речевые формулы, которые нередко произносятся автоматически. Одной из таких формул является ответ «не за что» на благодарность собеседника. С точки зрения речевого этикета данное выражение является нормативным и широко употребляется. Однако привычность формулы не исключает возможности рассмотреть ее содержание в более широком психологическом и коммуникативном контексте.

Исходная проблема настоящего исследования связана с вопросом о том, как человек оценивает собственный вклад в ситуацию помощи. Если собеседник произносит «спасибо», он тем самым сообщает, что считает полученную помощь значимой. В ответ говорящий может сказать «пожалуйста», «рад был помочь», «не стоит благодарности», «не за что» и другие формулы. Эти варианты не являются полностью тождественными: они по-разному оформляют отношение говорящего к оказанной услуге и к факту благодарности.

Особый интерес представляет ситуация, когда человек систематически уменьшает значение собственных усилий: потраченное время называет мелочью, выполненную работу — простой помощью, а собственные знания и внимание — чем-то само собой разумеющимся. В этом случае речевая привычка может становиться частью более общего способа отношения к себе.

Цель статьи — теоретически проанализировать связь между речевыми ответами на благодарность, признанием собственного вклада и тенденцией к самообесцениванию, не отождествляя эти явления. Для достижения цели поставлены следующие задачи: рассмотреть научные подходы к понятию благодарности и ответам на нее; охарактеризовать роль речевой вежливости; определить, в чем проявляется самообесценивание в повседневной коммуникации; проанализировать особенности профессионального общения; сформулировать практические выводы.

Объектом исследования выступает повседневная межличностная коммуникация. Предметом исследования являются речевые формулы ответа на благодарность и их возможная связь с оценкой человеком собственного вклада. Методологическую основу работы составляет теоретический анализ научной литературы по вопросам речевой вежливости, благодарности и самовосприятия. Работа не ставит целью установить статистическую частоту употребления конкретных выражений и не представляет результатов эмпирического опроса; выводы носят аналитический характер.

1. Благодарность как коммуникативное действие

Благодарность является не просто сообщением о положительной эмоции, но и социально значимым коммуникативным действием. В исследованиях речевых актов благодарность рассматривается как реакция на действие другого человека, которое говорящий воспринимает как полезное или благоприятное для себя. Тем самым благодарность признает вклад собеседника и фиксирует факт взаимного взаимодействия.

Исследования ответов на благодарность показывают, что такая реплика образует вторую часть коммуникативной пары: после «спасибо» ожидается ответная формула. При этом задача ответа состоит не только в формальном завершении разговора. Он помогает выстроить социальное равновесие между участниками общения. В научной литературе описываются различные типы ответов: выражение удовольствия от помощи, минимизация значимости услуги, отрицание необходимости благодарности, принятие благодарности и другие стратегии [1; 2].

Именно поэтому выражение «не за что» нельзя автоматически трактовать как признак негативного отношения человека к себе. В значительной части ситуаций оно выполняет обычную прагматическую функцию: уменьшает ощущение долга у того, кто благодарит, и показывает, что помощь не рассматривается как основание для дальнейших обязательств. Такая функция соответствует описанной в исследованиях вежливости тенденции минимизировать социальную задолженность собеседника [1].

Вместе с тем семантическая форма «не за что» содержит отрицание основания для благодарности. В буквальном содержательном плане говорящий сообщает, что благодарить не за что, хотя объективно действие помощи имело место. Поэтому при определенных условиях возникает различие между коммуникативной функцией выражения и его буквальным содержанием. В обычной речи это различие не воспринимается как проблема, поскольку формула стала

устойчивой. Однако именно оно позволяет поставить вопрос о том, как человек словесно оценивает собственный вклад.

2. Речевая вежливость и ответы на «спасибо»

Теория вежливости П. Браун и С. Левинсона рассматривает коммуникацию как взаимодействие, в котором участники стремятся учитывать социальный «образ» друг друга и смягчать потенциальные угрозы этому образу [3]. В рамках такого подхода благодарность одновременно признает ценность действия другого человека и может создавать ощущение задолженности у самого благодарящего. Ответная реплика снижает эту напряженность.

Современные исследования ответов на благодарность показывают, что выражения, соответствующие английским формулам *you're welcome*, *it's nothing*, *no problem* и другим, исторически и прагматически различаются, однако многие из них выполняют общую функцию — завершить последовательность «благодарность — ответ» и уменьшить ощущение долга [1]. Это позволяет рассматривать «не за что» прежде всего как речевую стратегию, а не как прямое психологическое признание собственной незначимости.

Следовательно, научно корректно проводить разграничение между двумя уровнями анализа. Первый уровень — прагматический: что делает выражение в разговоре. Второй уровень — психологический: какое отношение к себе может проявляться через устойчивую привычку использовать определенную формулу. Наличие одного уровня не доказывает автоматически наличие другого.

Это разграничение особенно важно для темы самообесценивания. Нельзя утверждать, что каждый человек, который говорит «не за что», обесценивает себя. Подобное утверждение было бы чрезмерным обобщением и не соответствовало бы данным исследований речевой вежливости. Однако если человек не только отвечает «не за что», но и регулярно уменьшает значение своего труда в других ситуациях, это уже может рассматриваться как более широкая модель самооценки.

3. Самообесценивание и признание собственного вклада

Самообесценивание в данной статье понимается как устойчивая тенденция уменьшать значимость собственных качеств, усилий, достижений, времени или вклада во взаимодействие. Важно отличать ее от скромности. Скромность предполагает отсутствие необходимости постоянно подчеркивать собственные достоинства, тогда как самообесценивание связано с систематическим отрицанием или занижением собственной ценности.

Проблема приобретает значение в ситуациях, где человек действительно вкладывает ресурсы в помощь другому. Ресурсами могут выступать время,

знания, профессиональные навыки, эмоциональное внимание, организационные усилия и ответственность. Их нематериальный характер не означает отсутствия ценности. Например, короткий совет может занимать несколько минут, но быть результатом многолетнего накопления профессионального опыта.

При этом признание собственного вклада не означает требования оплаты или обязательной благодарности. Человек может помогать бескорыстно и одновременно признавать, что он потратил время и усилия. Эти позиции не противоречат друг другу. Напротив, способность принимать благодарность без немедленного отрицания собственного вклада позволяет отделить бескорыстие от самоотрицания.

В исследованиях самосострадания К. Нефф подчеркивается значение доброжелательного и реалистичного отношения человека к собственным трудностям и ограничениям [4]. Этот подход не предполагает завышенной самооценки. Его принципиальное отличие от самодовольства заключается в признании собственного опыта без необходимости постоянно сравнивать себя с другими. В контексте рассматриваемой темы это позволяет сформулировать важное положение: уважение к собственному времени и усилиям не является проявлением эгоизма.

Показателем возможной проблемы становится не отдельное употребление конкретной фразы, а повторяющаяся система высказываний. К ней могут относиться выражения «это мелочь», «я ничего особенного не сделал», «у меня это и так быстро получается», «мне несложно», когда подобные слова используются для систематического отрицания фактического вклада. В таком случае речевые привычки могут поддерживать привычный способ восприятия себя.

4. Профессиональная коммуникация: время, знания и труд

Особенно отчетливо проблема проявляется в профессиональной среде. Рабочая коммуникация предполагает распределение времени, задач и ответственности. Когда сотрудник отвечает на вопрос коллеги, объясняет процедуру, исправляет ошибку или помогает завершить задачу, он использует определенный объем профессионального ресурса.

В этом контексте важно различать добровольную помощь и должностную обязанность. Если помощь входит в непосредственные служебные функции, ее оказание является частью работы. Однако это не означает, что затраченное время и профессиональная компетентность перестают иметь ценность. Если же помощь выходит за пределы обязанностей, вопрос о границах ресурсов становится еще более значимым.

Систематическое самообесценивание может затруднять установление границ. Если человек постоянно говорит, что ему «несложно» и «ничего не стоит» помочь, окружающие могут воспринимать такую помощь как ресурс, который доступен практически без ограничений. В результате первоначально добровольное действие способно превратиться в ожидаемую обязанность.

При этом ответственность нельзя полностью переносить на одну речевую формулу. Поведение коллег определяется не только словами, но и организационной культурой, распределением обязанностей, личными границами, нормами конкретного коллектива и отношениями между сотрудниками. Поэтому «пожалуйста» не является универсальным способом решения проблемы профессиональной перегрузки. Оно лишь может выступать частью более уважительного отношения к собственному вкладу.

В профессиональной коммуникации целесообразно использовать нейтральные формулы, которые принимают благодарность, но не требуют ответной услуги: «пожалуйста», «рад был помочь», «обращайтесь, если понадобится уточнение». Если же помощь была значительной и выходит за рамки обычного взаимодействия, допустимо прямо обозначать объем работы: «Я уделил этому время, поэтому давайте договоримся, как будем распределять такие задачи дальше». Такая коммуникация одновременно сохраняет доброжелательность и делает ресурс видимым.

5. «Не за что» и «пожалуйста»: сравнительный анализ

Формула	Основная коммуникативная функция	Возможное смысловое восприятие	Комментарий
«Не за что»	Минимизация значимости оказанной помощи; снижение ощущения долга	Помощь не требует отдельной благодарности	Нормативная вежливая формула; сама по себе не доказывает самообесценивание
«Пожалуйста»	Принятие благодарности и завершение обмена	Благодарность услышана и принята	Позволяет не отрицать факт оказанной помощи
«Рад был помочь»	Подчеркивание положительного отношения к взаимодействию	Помощь была добровольной и приятной	Подходит для неформального и профессионального общения при соответствующем контексте
«Не стоит благодарности»	Снижение социального долга собеседника	Благодарность не является обязательной	Близко по функции к «не за что», но прямо отсылает к благодарности

Сравнение показывает, что выбор формулы зависит от коммуникативной задачи. Поэтому замена «не за что» на «пожалуйста» не должна пониматься как обязательное правило речевого поведения. Научно обоснованнее рассматривать ее как один из возможных способов ответа, особенно в тех случаях, когда человеку важно перестать автоматически отрицать собственный вклад.

6. Возможные механизмы формирования привычки к самообесцениванию

Формирование привычки уменьшать значение собственных усилий может иметь несколько объяснений. Одним из них является социальная норма скромности. Во многих ситуациях человек обучается не подчеркивать собственные достижения, чтобы не показаться высокомерным. В результате нейтральная скромность может постепенно смешиваться с отрицанием собственных результатов.

Другим фактором может быть стремление сохранить комфортное взаимодействие. Ответ «не за что» снижает ощущение задолженности у собеседника. С коммуникативной точки зрения это может быть полезно: человеку становится легче принять помощь, не чувствуя, что теперь он обязан отвечать взаимностью. Однако при постоянном использовании подобной стратегии говорящий может перестать различать социальное снятие долга и отрицание собственного вклада.

Третьим фактором является привычка оценивать собственные действия исключительно по конечному результату. Если помощь дала ожидаемый результат и была оказана быстро, человек может считать, что она не представляла труда. При этом из оценки исчезает затраченный ранее опыт, внимание и время. Такой способ оценки является односторонним: он учитывает только субъективную легкость действия, но не его объективный вклад в ситуацию.

Наконец, значение имеет культура общения в конкретной семье, учебной или профессиональной среде. Если в окружении принято благодарность принимать спокойно, человек получает опыт признания собственного вклада. Если же любую помощь принято немедленно называть «ерундой», подобная модель может закрепляться как автоматическая.

7. Практические рекомендации и границы интерпретации

Первый практический вывод состоит в необходимости отделять вежливость от самообесценивания. Не требуется отказываться от «не за что» во всех случаях. Важно замечать, что именно означает эта фраза в конкретной ситуации и сопровождается ли она другими формами отрицания собственного вклада.

Второй вывод связан с принятием благодарности. Если человек действительно потратил время или применил знания, ответ «пожалуйста» позволяет признать факт помощи без требования дополнительной компенсации. Это нейтральная позиция: «я помог, ты поблагодарил, благодарность принята».

Третий вывод касается личных границ. Признание ценности собственного времени должно сочетаться с возможностью отказаться от помощи, перенести ее или обозначить условия. Если человек не может регулярно помогать без ущерба для своей основной работы, проблема уже выходит за пределы речевой формулы и требует организационного или межличностного решения.

Четвертый вывод касается интерпретации поведения других людей. Не следует делать вывод о самооценке человека только по тому, что он говорит «не за что». Для более обоснованной оценки необходимо учитывать повторяемость поведения, контекст, содержание других высказываний и реальные действия человека.

Заключение

Проведенный теоретический анализ показывает, что ответ на благодарность является одновременно элементом речевого этикета и частью социальной организации взаимодействия. Формула «не за что» имеет устойчивую прагматическую функцию: она уменьшает ощущение долга у благодарящего и помогает завершить коммуникативную последовательность. Поэтому ее употребление само по себе не может рассматриваться как доказательство самообесценивания.

В то же время рассмотрение этой формулы в контексте более широкой речевой модели позволяет увидеть проблему признания собственного вклада. Если человек регулярно отрицает ценность времени, знаний и усилий, называет значительную помощь мелочью и испытывает трудности с принятием благодарности, речь может идти о более общей тенденции к самообесцениванию.

Наиболее продуктивным представляется не противопоставление «правильной» и «неправильной» фразы, а развитие осознанного выбора речевой стратегии. «Пожалуйста» может использоваться как нейтральная форма признания благодарности, «рад был помочь» — как выражение положительного отношения к взаимодействию, а «не за что» — как традиционная формула снятия долга. Значение имеет не механическая замена одного выражения другим, а понимание собственной позиции.

Признание ценности собственного труда не означает завышенной самооценки и не требует превращать каждую помощь в предмет вознаграждения. Оно означает реалистичное признание того, что время, внимание, знания и усилия являются ресурсами. В профессиональной сфере такое признание особенно

важно, поскольку помогает отличать сотрудничество от постоянного безусловного предоставления ресурсов.

Таким образом, тема «от «не за что» к «пожалуйста»» может рассматриваться как частный пример более широкой проблемы — отношения человека к собственному вкладу в межличностное и профессиональное взаимодействие. Перспективным направлением дальнейшего исследования является проведение эмпирического опроса, позволяющего изучить частоту использования различных ответов на благодарность, связь этих ответов с особенностями самооценки и различия между возрастными и профессиональными группами. Такое исследование позволило бы перейти от теоретического анализа к проверке выдвинутых предположений на эмпирическом материале.

Литература:

1. Bieswanger M. Variational pragmatics and responding to thanks — revisited // *Multilingua*. 2015. Vol. 34, No. 3. P. 527–546. DOI: <https://doi.org/10.1515/multi-2014-0106>.
2. Barron A. Responses to Thanks in Ireland, England and Canada: A Variational Pragmatic Perspective // *Corpus Pragmatics*. 2022. Vol. 6, No. 2. P. 127–153. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41701-022-00120-z>.
3. Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
4. Neff K. D. Self-Compassion: An Alternative Conceptualization of a Healthy Attitude Toward Oneself // *Self and Identity*. 2003. Vol. 2, No. 2. P. 85–101.
5. Leech G. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
6. Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Pantheon Books, 1967.
7. Searle J. R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
8. Watts R. J. *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

ПЕДАГОГИКА

Профилактический потенциал использования лабораторного практикума по биологии в снижении психологической руминации у студентов-медиков на производственной практике

Годунова Мирослава Владимировна, студент;

Москалев Ярослав Алексеевич, студент;

Зарубин Александр Андреевич, студент

Научный руководитель: Денисов Растям Мухарамович, преподаватель

Подмосковный колледж «Энергия» (Московская область)

В статье рассматривается роль лабораторного практикума по биологии как инструмента профилактики психологической руминации у студентов медицинских вузов в период производственной практики. Предложена авторская методика организации практикума с элементами когнитивно-поведенческой регуляции и рефлексии. В ходе эмпирического исследования ($n=300$) с применением шкал руминации и ситуативной тревожности показано статистически значимое снижение показателей руминации в экспериментальной группе. Результаты подтверждают, что структурированная практическая деятельность снижает когнитивную нагрузку и способствует формированию адаптивных стратегий совладания.

Ключевые слова: лабораторный практикум, биология, студенты-медики, руминация, профилактика стресса, производственная практика, когнитивная регуляция.

Производственная практика студентов центра медицинской подготовки ГАПОУ МО ПК «Энергия», как и любого студента выпускника медицинского колледжа будет сопряжена с высокой когнитивной и эмоциональной нагрузкой, неопределённостью профессиональных задач и страхом ошибок [2].

Одним из типичных психологических ответов на стресс является психологическая руминация — навязчивое циклическое обдумывание негативных со-

бытий и возможных неудач, которое снижает продуктивность и повышает риск эмоционального выгорания [1].

Традиционные подходы к психологической поддержке студентов (тренинги, консультации) эффективны, но не всегда интегрированы в учебный процесс. В то же время лабораторные практикумы по биологии, будучи обязательной частью образовательной программы, обладают скрытым профилактическим потенциалом: они обеспечивают структурированную предметную деятельность, развивают навыки анализа и снижают неопределённость за счёт отработки стандартных алгоритмов [3, 4].

Исследование выполнено по квазиэкспериментальному плану с двумя группами (по 150 человек в каждой): экспериментальной (с внедрением модели «Метакогнитивный лабораторный рефлексивный протокол», МЛРП) и контрольной (стандартный практикум). Распределение — кластерная рандомизация по учебным группам; группы уравнены по полу, возрасту и исходному уровню руминации ($p > 0,05$). Замеры проводились в три точки: Т0 (до интервенции), Т1 (после практикума), Т2 (на 4-й неделе производственной практики).

Модель интервенции (МЛРП). МЛРП интегрирована в лабораторный практикум (2 занятия в неделю на протяжении 8 недель) и включает три этапа:

- Предоперационная ориентация (5 мин): фокус на наблюдаемых параметрах, контролируемых переменных и потенциальных источниках ошибок.
- Маркировка в ходе эксперимента: при появлении повторяющихся мыслей об ошибке студент мысленно маркирует их как «руминация» и возвращается к текущим измерениям.
- Структурированная рефлексия (10–15 мин): ответы на 5 вопросов о наблюдениях, влияющих факторах, непродуктивном мышлении, корректировках и отказах от неэффективных стратегий.

Основные результаты, полученные в ходе реализации индивидуального проекта по биологии по данному направлению выявил следующие значения: снижение руминации после интервенции (Т0→Т1). В экспериментальной группе зафиксировано значимое снижение показателя по шкале RRS: с $1,63 \pm 0,39$ до $1,38 \pm 0,34$ ($\Delta = -0,25$, $t = 5,42$, $p < 0,001$). В контрольной группе изменения незначимы ($\Delta = -0,02$, $p = 0,498$). Различие между группами на Т1 статистически значимо ($t = 4,87$, $p < 0,001$), эффект интервенции — средний (d Коэна = 0,58).

Динамика в период практики (Т1→Т2). Обе группы демонстрируют рост руминации, что отражает стрессогенность клинической среды. Однако в экспериментальной группе прирост меньше (+0,14 против +0,19 в контрольной),

а абсолютные значения остаются существенно ниже (1,52 против 1,78; $t = 5,61$, $p < 0,001$). Это свидетельствует о буферном эффекте МЛРП.

Дифференцированный эффект по специальностям. Наибольшее снижение руминации в экспериментальной группе отмечено у студентов специальностей «Лечебное дело» ($\Delta = -0,32$) и «Лабораторная диагностика» ($\Delta = -0,31$). Меньший эффект — у «Сестринского дела», «Фармации» и «Медицинской оптики». Вероятно, это связано с более тесной связью содержания практикума с будущей профессиональной деятельностью у первых двух групп, что повышает вовлечённость и перенос навыков.

Метакогнитивные изменения. В экспериментальной группе выявлено значимое снижение по шкале «негативные убеждения о беспокойстве» (МСQ-30: с 2,41 до 2,08; $t = 4,03$, $p < 0,001$). Обнаружена умеренная корреляция между снижением негативных метакогнитивных убеждений и снижением руминации ($r = 0,44$, $p < 0,01$), что подтверждает метакогнитивный механизм эффекта. Также подтверждён больший эффект у студентов с изначально высоким уровнем руминации ($\Delta = -0,38$ против $\Delta = -0,14$ у низкоруминирующих; $t = 3,87$, $p < 0,001$).

Исходя из полученных в ходе исследовательского проекта данных, студентами были подтверждены следующие гипотезы:

- Гипотеза 1 (снижение руминации после МЛРП) — подтверждена.
- Гипотеза 2 (эффект опосредован метакогнитивным различием) — подтверждена частично (есть значимая корреляция, но требуется анализ медиации).
- Гипотеза 3 (больший эффект у высокоруминирующих) — подтверждена.

Наиболее выраженный эффект наблюдался при выполнении лабораторных работ, требующих интерпретации неоднозначных результатов (например, оценка вариабельности показателей в серии проб, анализ возможных источников ошибок). Такие задания способствовали переключению внимания с самокритики на объективный анализ данных [5].

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что лабораторный практикум может выступать инструментом профилактики руминации при условии его специальной методической доработки. Ключевыми факторами эффективности стали:

- структурированность деятельности (чёткие алгоритмы, понятные критерии оценки);
- развитие навыков объективного анализа и прогнозирования;
- социальная поддержка в парах и возможность вербализации затруднений.

Важно подчеркнуть, что эффект достигается не за счёт «отвлечения» от проблем, а за счёт формирования адаптивных когнитивных стратегий: студенты учатся замечать автоматические негативные мысли и заменять их на проверяемые гипотезы, что соответствует принципам когнитивно-поведенческой терапии.

Ограничениями исследования являются относительно небольшая выборка и краткосрочность наблюдения. Перспективным направлением дальнейших работ может стать изучение долгосрочных эффектов и внедрение подобных методик в другие дисциплины естественнонаучного цикла.

Заключение

Лабораторный практикум по биологии обладает значительным профилактическим потенциалом в отношении психологической руминации у студентов-медиков. Предложенная методика, сочетающая предметную деятельность с элементами когнитивной регуляции и рефлексии, показала статистически значимый эффект в снижении руминации и ситуативной тревожности. Интеграция подобных подходов в учебный процесс позволяет решать одновременно образовательные и психологические задачи, повышая устойчивость студентов к стрессу в период производственной практики.

Литература:

1. Nolen-Hoeksema, S. The role of rumination in depressive disorders and mixed anxiety/depressive symptoms/S. Nolen-Hoeksema. — DOI 10.1037/0021-843x. 109.3.504. — Текст: непосредственный // Journal of Abnormal Psychology. — 2000. — Vol. 109, № 3. — P. 504–513.
2. Watkins, E. R. Constructive and unconstructive repetitive thought / E. R. Watkins. — DOI 10.1037/0033-2909.134.2.163. — Текст: непосредственный//Psychological Bulletin. — 2008. — Vol. 134, № 2. — P. 163–206.
3. Абабков, В.А. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии: монография / В.А. Абабков, М. Перре. — Санкт-Петербург: Речь, 2004. — 166 с. — ISBN 5-9268-0267-9. — Текст: непосредственный.
4. Зимняя, И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов / И.А. Зимняя. — 2-е изд., доп., испр. и перераб. — Москва: Логос, 2009. — 384 с. — ISBN 978-5-98704-442-1. — Текст: непосредственный.
5. Рассказова, Е. И. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE / Е. И. Рассказова, Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин. — Текст:

непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2013. — Т. 10, № 1. — С. 82–118.

Знакомство дошкольников с миром профессий как средство социально-трудового развития

Макарова Светлана Витальевна, воспитатель;

Финогина Ольга Валерьевна, воспитатель

ГБОУ СОШ «Образовательный центр «Южный город» пос. Придорожный м. р. Волжский Самарской области, структурное подразделение «Детский сад «Лукоморье» (Самарская область)

Профессиональная ориентация является важным направлением воспитания и образования подрастающего поколения. Традиционно вопросы профессионального самоопределения связывают со школьным возрастом. Однако основы отношения человека к труду, интерес к различным видам деятельности и первоначальные представления о профессиях начинают формироваться значительно раньше — уже в дошкольном детстве.

Ребенок дошкольного возраста активно познает окружающий мир, наблюдает за деятельностью взрослых, задает вопросы, стремится подражать значимым людям и воспроизводит их действия в игре. Поэтому дошкольный возраст является благоприятным периодом для формирования первоначальных представлений о мире профессий. Ранняя профориентация в детском саду не предполагает выбора ребенком конкретной будущей профессии. Ее основная задача заключается в расширении представлений дошкольника о разнообразии профессий, значимости труда людей для общества, формировании положительного отношения к трудовой деятельности и развитии интереса к различным видам деятельности.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования и Федеральной образовательной программой дошкольного образования большое значение придается социально-коммуникативному развитию детей, формированию положительного отношения к труду и представлений о труде взрослых.

К.Д. Ушинский подчеркивал огромное воспитательное значение труда, рассматривая его как важнейшее условие развития личности человека. Данная идея сохраняет свою актуальность и в современной дошкольной педагогике.

Цель работы — создание условий для формирования у дошкольников первоначальных представлений о мире профессий, ценности труда и положительного отношения к людям различных профессий.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- формировать у детей представления о разнообразии профессий;
- знакомить дошкольников с содержанием и особенностями труда взрослых;
- формировать понимание общественной значимости различных профессий;
- развивать познавательный интерес к профессиональной деятельности взрослых;
- воспитывать эмоционально-положительное отношение к человеку труда;
- формировать уважительное и бережное отношение к результатам труда взрослых;
- обогащать словарный запас детей названиями профессий, трудовых действий, инструментов и результатов труда;
- развивать самостоятельность, инициативность и коммуникативные навыки посредством игровой деятельности;
- создавать условия для проявления детьми интереса к различным видам деятельности.

Содержание профориентационной работы: При организации работы по ранней профориентации важно учитывать возрастные и индивидуальные особенности дошкольников. Информация о профессиях должна быть доступной, наглядной и эмоционально привлекательной для ребенка.

При знакомстве с каждой профессией целесообразно использовать определенную последовательность вопросов: Как называется профессия? Где работает человек данной профессии? Что входит в его обязанности? Какие инструменты и оборудование необходимы ему для работы? Какие трудовые действия он выполняет? Какими качествами должен обладать представитель этой профессии? Какую пользу приносит его труд людям? Каков результат его деятельности?

Такой подход позволяет ребенку не просто запомнить название профессии, а понять ее содержание и значение. В процессе работы дети знакомятся с профессиями врача, пожарного, библиотекаря, продавца, почтальона, парикмахера, швеи, моряка, регулировщика и другими профессиями. Постепенно представления детей расширяются: они начинают замечать взаимосвязь между различными видами труда и понимать, что каждая профессия необходима лю-

дам. В своей работе мы используем разнообразные формы и методы, позволяющие сделать знакомство с профессиями эмоционально насыщенным и практически ориентированным.

Экскурсии. Экскурсия является эффективным средством формирования представлений о труде взрослых. Во время экскурсии ребенок получает возможность непосредственно увидеть место работы, трудовые действия человека, инструменты и оборудование. Например, при посещении хлебобулочного магазина дети наблюдают за работой продавца, знакомятся с особенностями его деятельности, правилами общения с покупателями и организацией рабочего места. Такие наблюдения способствуют формированию у детей более конкретных и осознанных представлений о профессиях.

Виртуальные экскурсии. Не все профессии и места работы доступны для непосредственного посещения детьми. В таких случаях эффективным дополнением становятся виртуальные экскурсии. Виртуальные экскурсии позволяют расширить образовательное пространство и сделать доступными для ребенка объекты, которые невозможно посетить в реальной жизни.

Сюжетно-ролевые игры. Особое место в ранней профориентации занимает сюжетно-ролевая игра. Именно через игру дошкольник получает возможность моделировать различные социальные отношения и примерять на себя роли взрослых. В сюжетно-ролевых играх «Больница», «Пожарные», «Парикмахерская», «Библиотека», «Почта», «Ателье», «Моряки» дети знакомятся с профессиональными действиями, используют соответствующие атрибуты, учатся взаимодействовать друг с другом. Сюжетно-ролевая игра позволяет ребенку удовлетворить естественную потребность в познании окружающего мира, общении и самостоятельности. В процессе игры дошкольник не только воспроизводит действия взрослых, но и приобретает собственный социальный опыт. При этом важно, чтобы игра не сводилась только к использованию атрибутов.

Беседы. Беседа является одной из доступных форм знакомства детей с профессиями. В ходе бесед педагог предлагает детям рассмотреть иллюстрации, фотографии, инструменты, обсудить содержание труда взрослых. Например, детям можно предложить вопросы: Кто это? Где работает этот человек? Что он делает? Какие инструменты ему нужны? Кому помогает представитель этой профессии? Что произойдет, если люди перестанут выполнять эту работу?

Подобные вопросы способствуют развитию познавательной активности, связной речи и способности устанавливать причинно-следственные связи.

Чтение художественной литературы и работа с загадками.

Знакомство с профессиями осуществляется посредством чтения произведений детской литературы, рассматривания иллюстраций, заучивания стихотворений и отгадывания загадок. Художественное слово позволяет создать эмоциональный образ профессии, вызвать у ребенка интерес и желание узнать больше о деятельности человека.

Дидактические игры. В работе используются дидактические игры «Кому что нужно для работы?», «Назови профессию», «Угадай профессию», «Что делает специалист?», «Кому нужны эти инструменты?», «Где работают люди?». Дидактические игры помогают закрепить знания детей, развивают внимание, память, мышление, речь и умение классифицировать предметы.

Продуктивная деятельность. Рисование, лепка, аппликация и конструирование также используются для закрепления представлений о профессиях. Детям можно предложить темы: «Кем работают мои родители?», «Профессия моей мечты», «Врач», «Пожарная машина», «Строитель», «Парикмахерская», «Космонавт» и другие. Продуктивная деятельность помогает ребенку выразить собственное отношение к профессии и осмыслить полученную информацию.

Спортивные мероприятия. Профориентационное содержание может включаться и в физкультурно-оздоровительную работу. Например, спортивные мероприятия «К доктору Айболиту», «Осторожно! Пожар!» позволяют в игровой форме закрепить знания детей о профессиях врача и пожарного, их значимости и профессиональных действиях.

Создание развивающей предметно-пространственной среды.

Важным условием успешной профориентационной работы является организация соответствующей развивающей предметно-пространственной среды. В группе необходимо иметь: детскую художественную и познавательную литературу о профессиях; тематические альбомы и иллюстрации; карточки и дидактические материалы; наборы игрушечных инструментов; атрибуты для сюжетно-ролевых игр; материалы для театрализованной деятельности; тематические настольно-печатные игры;

материалы для продуктивной деятельности. Предметная среда должна периодически обновляться и дополняться в соответствии с интересами детей и реализуемыми образовательными задачами.

Взаимодействие с родителями. Эффективность ранней профориентации во многом зависит от взаимодействия детского сада и семьи. Родители являются первыми людьми, на примере которых ребенок получает представление о труде. Рассказ мамы или папы о своей профессии, демонстрация фотографий

с рабочего места, обсуждение трудовых обязанностей помогают ребенку увидеть связь между профессией и реальной жизнью. В работе с родителями используются следующие формы: Индивидуальные и групповые консультации; беседы; рекомендации; анкетирование; родительские собрания; приглашение родителей для рассказа о своей профессии; совместные мероприятия; подготовка тематических информационных материалов. Важно донести до родителей мысль о том, что знакомство ребенка с их профессиональной деятельностью имеет большое воспитательное значение. Ребенок, который понимает, чем занимаются его родители, начинает осознавать значимость их труда, испытывает чувство гордости и уважения.

Заключение. Таким образом, ранняя профориентация в дошкольном возрасте является не подготовкой ребенка к выбору конкретной профессии, а важной частью его социально-коммуникативного и трудового развития. Систематическое знакомство с профессиями взрослых способствует формированию у дошкольников уважительного отношения к человеку труда, пониманию общественной значимости различных видов деятельности, развитию познавательного интереса, самостоятельности, ответственности и коммуникативных навыков. Работа по ранней профориентации будет наиболее результативной, если она проводится систематически, учитывает интересы детей, включает разнообразные формы деятельности и осуществляется во взаимодействии с семьей.

Литература:

1. Куцакова Л. В. Трудовое воспитание в детском саду: для занятий с детьми 3–7 лет. — М.: Мозаика-Синтез, 2014.
2. Шорыгина Т. А. Профессии. Какие они? Книга для воспитателей, гувернеров и родителей. — М.: ГНОМ и Д, 2013.
3. Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении // Собрание сочинений. — М.; Л.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования: утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.10.2013 № 1155.
5. Федеральная образовательная программа дошкольного образования: утверждена приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 25.11.2022 № 1028.

Использование игровых модулей для развития мелкой моторики рук в работе с детьми 2–3 лет

Петрова Инна Федоровна, воспитатель;

Ильина Марина Михайловна, воспитатель

МБДОУ «Кугесьский детский сад «Крепыш» Чебоксарского муниципального округа Чувашской Республики

В статье автор исследует вопрос развития мелкой моторики рук детей 2–3 лет. Подробно описывает систему работы по использованию игровых модулей и раскрывает вариативность его использования, включая в содержание работы популярные развивающие доски бизиборд.

Ключевые слова: мелкая моторика рук, сенсорная развитие, дидактические игры, игровые модули, бизиборд.

Самый благоприятный период для развития интеллектуальных и творческих возможностей человека — от 3 до 9 лет. Поэтому именно в дошкольном возрасте необходимо развивать память, восприятие, мышление, внимание. И. Н. Сеченов писал: «Движения руки человека наследственно не предопределены и формируются в процессе воспитания и обучения, как результат ассоциативных связей, возникающих при работе зрительного, слухового и речедвигательного анализаторов». По данным исследований, проведённых Л. В. Антаковой — Фоминой, М. М. Кольцовой, Б. И. Пинским, мелкая моторика рук взаимодействует и влияет на развитие внимания, мышления, оптико-пространственного восприятия (координации), воображения, наблюдательности, зрительной и двигательной памяти. Развитие навыков мелкой моторики важно и потому, что вся дальнейшая жизнь ребёнка потребует использования точных, координированных движений кистей и пальцев, которые необходимы, чтобы одеваться, рисовать, писать, а также выполнять множество разнообразных бытовых, учебных и трудовых действий [1].

В настоящее время, в Кугесьском детском саду «Крепыш» Чебоксарского муниципального округа воспитываются дети 2–3 лет. Первичная оценка нервно-психического развития таких детей показала, недостаточность тонкой моторики рук, они плохо удерживают предметы в руке (ложку, карандаш), не могут застегнуть пуговицы, зашнуровать обувь, не любят конструировать, рисовать. При этом, отечественные педагоги отмечают, что развитию мелкой моторики способствуют занятия с играми, в которых есть мелкие детали, манипуляция с мелкими предметами), вкладывание вкладышей в рамки и многое другое.

Наряду с этим следует отметить, что в настоящее время существует большое разнообразие дидактических игр и развивающих пособий для развития мелкой моторики рук детей 2–3 лет. То есть, для воспитателей дошкольных образовательных организаций и родителей открываются большие перспективы в выборе пособия. Игровые модули, игровые панели, развивающие доски, мозаики и многое другое — все это стало доступно для приобретения в магазинах. Однако, внешняя привлекательность и большое количество материала не всегда способствует эффективности работы. Дело в том, что основными принципами в работе с детьми дошкольного возраста является принцип системности и последовательности обучения детей. В связи с этим, воспитателю необходимо построить работу в соответствии с планом и поэтапно. Не стоит так же забывать об усложнении подачи материала. В соответствии с этим, мы построили работу с детьми 2–3 лет по развитию мелкой моторики рук следующим образом.

На 1-м этапе мы использовали игры-шнуровки и застёжки: большая деревянная пуговица и деревянная иглолка со шнурком, деревянный «сыр» с дырками, башмачки и пр. С помощью них дети упражнялись в умении проталкивать шнурок в отверстия, накладывать предметы на фон, совмещать дырочки, продевать сквозь них шнурок, пристегивать большие мягкие пуговицы. На этом этапе предлагались только настольные шнуровки и застёжки, где дети выполняли задание под руководством взрослого. В результате у них развивалось внимание и аккуратность, в процессе шнурования формировались навыки конструирования, ориентировки на плоскости. В совместной деятельности воспитатели обогащали словарь ребенка словами «большой», «маленький», «грибок», «шнурок», «вперед», «назад», и пр. Для обогащения сенсорного уголка интересными и необычными пособиями, привлекались родители. Общими усилиями были сделаны игры-шнуровки и застёжки по типу «Завяжи шнурок на сапожок», «Застегни туфельку», «завяжи Мишке бант», «Украсть куклу» и пр.

На 2-м этапе предлагались детям более сложные задания. Для этого воспитатели использовали объемные игровые модули типа «Домик». «Сундучок», «Кораблик» и пр. Эти игры представляли собой фанерные силуэты, на которых со всех сторон были расположены шнуровки и застёжки. Особенностью данных пособий является то, что выполнять упражнение может сразу два ребенка, это в свою очередь учит их договариваться между собой, развивает способность работать в паре. Для усложнения задания на игровых объемных панелях детям предлагали использовать второй шнурок (другого цвета), и ребенок начинал действовать сразу с двумя шнурками. Например, предлагалась серия упражнений: «Догони», «Повтори узор», «Нарисуй узор из двух-трех линий».

Используя данную игру, воспитатели знакомили детей с различными типами швов. Например, пришивать «пуговицы» (окошки) или заплатку (дверка) [3]. При выполнении упражнений воспитатели закрепляли представления детей о цвете, длине, толщине. Активизировался словарь детей словами «длинная», «короткая», «красная», «синяя», «зеленая», «справа, слева, сверху, внизу». Далее, детей учили «рисовать» различные узоры шнурком по образцу. Сначала это были просто линии, крестики, далее простые фигуры — круг, квадрат. Когда дети научились этому, воспитатели предлагали более сложные узоры-образцы: из двух-трех шнурков разного цвета. Освоив все упражнения, воспитатели предлагали детям проложить шнуровку по замыслу. Это позволяло не только развивать мелкую моторику рук, но и решать задачи развития творческих способностей детей.

На третьем этапе для развития мелкой моторики рук детей мы использовали развивающие доски бизборд. Бизборд — воплощение в жизнь воспитательной методики предложенной на рубеже XIX–XX веков известным итальянским медиком и педагогом Марией Монтессори. Именно она предложила создавать родственную развивающую среду для ребёнка, образцово отвечающую его индивидуальным особенностям [2]. В настоящее время бизборд очень популярное пособие, которое уже имеется в продаже и используется в дошкольных образовательных учреждениях. Игровая панель содержит много различных кнопочек, замочков, щеколд, прищепок и прочих предметов. Тактильно ощупывая предметы, дети тренируют мелкую моторику, получая послушные руки и пальцы. Вместе с тем, такие упражнения активизируют мозговую деятельность, заставляя запоминать, анализировать, действовать. Кроме этого, развивающая доска — безопасная игрушка, которая позволит детям заниматься самостоятельно, без сопровождения взрослого. На этом этапе, для создания интереса малышей к деятельности мы использовали доски с игровым персонажем «Енот», «Мишка», «Панда», «Развивайка», «Сундучок» произведенных торговой компанией Беби Борд. Такие панели, рассчитаны на самостоятельное развитие основных навыков и знакомящая с множеством полезных мелочей. Благодаря различным упражнениям, у детей закрепляются такие понятия как форма, цвет, материал, фактура, количество, размер. Наряду с этим, родители были вовлечены в создание развивающей среды в группе для развития мелкой моторики рук детей. В группе был проведен конкурс среди семей на изготовление самодельных бизбордов. Благодаря этому в группе появились новые, оригинальные игровые панели для детей.

Таким образом, можно сделать вывод, что такая последовательная и системная работа позволила обогатить предметно-пространственную среду в группе, а предложенные воспитателями игры и упражнения способствовали улучшению координации движений, гибкости кисти и раскованности движений детей, что является залогом отсутствия проблем с письмом в школе.

Литература:

1. Ахутина, Т.В. Л. С. Выготский и А.Р. Лурия: становление нейропсихологии / Т.В. Ахутина. — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 2011. — № 5. — С. 39–43.
2. Экологические игры и товары для детей и их родителей. — Текст: электронный — URL: <https://www.woodfun.ru/stati/chto-takoe-bizibord.html> (дата обращения: 06.10.2026).
3. Логос центр развития речи для детей и взрослых ЛОГОС. — Текст: электронный — URL: http://www.logos-cds.ru/non_category/shnurovki-%E2%80%93-zachem-oni-nuzhny/ (дата обращения: 06.10.2026).

Научное издание

Исследования молодых ученых

Выпускающий редактор Г.А. Письменная
Ответственные редакторы Е.И. Осянина, О.А. Шульга, З.А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 27.10.2026. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 3,7.
Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый».
420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова,
д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,
Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова,
д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.